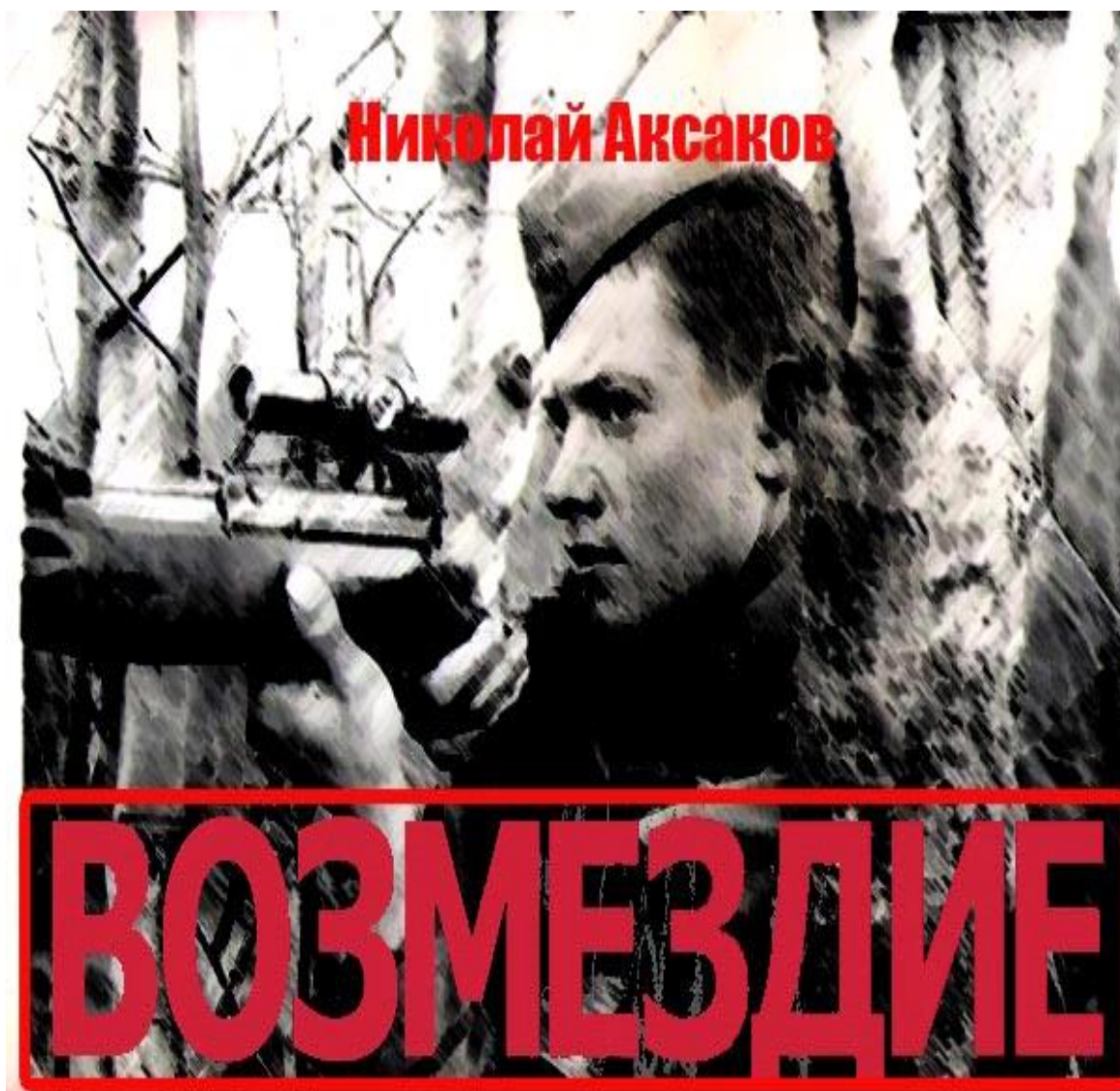

Известный снайпер Волховского фронта (105-й погранполк НКВД), бывший учитель. По наградному листу (орден Красного Знамени) от 1943 известно о 138 уничтоженных врагах. Действовал в частях 54-й армии. Подготовил 32 снайпера. У него была наградная винтовка от комфронта Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Книга написана автором 1983-85гг Книга автобиографична, изменена фамилия автора на старшина Кудряшов.

Особая благодарность за перевод Валентине Половинкиной

(Ученица Аксакова Николая Павловича)

ВОЗМЕЗДИЕ

На востоке города Н., на холме, среди густых деревьев стоял двухэтажный дом. Там разместилась комендатура погранотряда. Внизу, с западной стороны, виднелись городские улицы и люди, снующие туда-сюда. Еще дальше видна пограничная застава, а за пограничной полосой - верхушки деревьев.

Комендатуру с трех сторон окружает глубокий овраг. Там, в зарослях ивняка, поверх мелкой белой гальки, текла прозрачная, как журавлиный глаз, родниковая вода.

Завтра воскресенье, 22 июня 1941 года. Городская молодежь и пограничники усиленно готовились к состязаниям по легкой атлетике. Поэтому в парке много молодежи.

Из комендатуры на заставу шел быстрым шагом высокий, статный старшина Кудряшов. Вот он вышел к волейбольной площадке, где играли отдыхающие пограничники. Не останавливаясь, зашагал дальше. Ему в шесть вечера нужно доложить начальнику заставы, лейтенанту Гамаюну, что пограничники в бане помылись. Сейчас без пятнадцати минут шесть. «Осталось идти десять минут, не опоздаю», - подумал Кудряшов.

Какие только мысли не лезут в голову, когда идешь один. Вот и сейчас перед глазами всплыл образ любимой девушки Вали...

На заставе пограничники собрались в круг, а саратовский парень, Володя Безруков, растягивая меха баяна, наигрывал веселую мелодию. Заливистый звук баяна разлетался далеко.

Отсюда через семьсот-восемьсот метров - граница, за ней - чужая страна. На дороге, ведущей в эту страну, шлагбаум. Сейчас здесь охраняет границу Георгий Пудов. У него голубые глаза, на лице - веснушки. И нос, чуть искривленный. Родился он и вырос в городке Любань Ленинградской области.

На границе тихо. Слышно только, как недалеко, на озере, дружно

квакают лягушки.

Микулай, остановившись, поздоровался с пограничниками. Тихо постоял, слушая их пение.

-Володя, а ну-ка плясовую! - не выдержал он, когда стихли последние звуки баяна.

Пограничники встали в круг. Старшина, вскинув руки, быстро вышел в середину, и, легко перебирая ногами, пустился в пляс. Парни дружно и весело захлопали в ладоши, залихватски засвистели. Затем, как бы соревнуясь, стали выплясывать и другие. Вечер заполнился весельем. Звезды, мерцая, тоже словно приплясывали.

Как бы не хотелось Микулаю продолжить веселье, но служба есть служба. Его ждет лейтенант Гамаюн. Вздохнув, он вышел из круга и быстро вбежал в канцелярию.

Лейтенант сидел за столом и пристально смотрел на карту. И вид у него был очень серьезным. Взглянув краем глаза на вошедшего Микулая, красным карандашом что-то отметил на карте.

-Знаю, товарищ старшина, пограничники в бане помылись, на заставе все в порядке, - сказал он, опередив Кудряшова. - Сейчас парней надо готовить к боевому расчету.

Лейтенант опять взял в руку красный карандаш, пододвинул к себе карту.

Кудряшов, выйдя из канцелярии, приказал все еще поющим и выплясывающим пограничникам готовиться к боевому расчету. Разделившись по двое, они ушли на границу.

В двадцать два часа старшина Кудряшов и пограничник Паршин поспешили на левый фланг заставы.

Стемнело. Вокруг все стихло. Только изредка слышно, как недалеко пощелкивает своим длинным клювом аист. И поют соловьи.

-Иногда в такую темную ночь и на границе поют соловьи, - заговорил

старшина.

-Вряд ли. Я ни разу не слышал.

-Ладно, расскажу...Тогда я служил в Н погранотряде. Однажды втроем вышли на дозор. Я был старшим. Вдалеке виднелось зарево, слышен был негромкий раскат грома. И вот, неожиданно, в метрах двадцати-тридцати, запел соловей. "Светает. Птицы просыпаются. Скоро вернемся на заставу,"- шепотом сказал рядом мой товарищ. Я его чуть толкнул прикладом. Он меня понял, замолчал. И застыл на одном месте. А соловей поет все ближе и ближе. Затем замолкает и опять начинает петь. Товарищ чуть толкнул меня в плечо. Послышался шелест листьев, хруст веток. Неожиданно в четырех-пяти метрах появился силуэт. Мой товарищ опять меня чуть толкнул. Другой наш товарищ, младший сержант Шишлов (его перевели со мной на эту заставу), был с собакой. Трезор, очень умная собака была, ее даже медалями награждали.

Трезор уши поднял, следит за силуэтом. Нет-нет лизнет в лицо своего хозяина, ждет команду. Этот "соловей" оказался нарушителем границы. Он очень осторожно прошел мимо и исчез в темноте. Недалеко опять послышалось короткое пение соловья. Зашелестели листья, хрустнули сухие ветки. Ждем. Вслед за первым "соловьем" ползет второй. Я вскинул свое оружие: «Стой!» - и приставил штык к груди нарушителя. В этот момент ярко сверкнула молния. На сырую землю из рук врага выпали два пистолета, дрожащие руки поднялись вверх.

«Ловите другого «соловья» - скомандовал я Шишлову. Послышалось громкое рычание Трезора.

Чуть позже черные тучи рассеялись, дождь перестал моросить, только тяжелые капли сползали с деревьев.

"Соловьев" скоро доставили на заставу. Первый "соловей" оказался проводником, а второй - шпионом. За их задержание нас троих командир поблагодарил, - закончил старшина свой рассказ.

- Вот так, товарищ Паршин, на границе иногда поют такие "соловьи". Всегда надо быть начеку, - добавил он.

Старшина щелкнул затвором своего ружья. Ему в ответ тоже два раза щелкнули затвором. Старшина с Паршиным повернули налево.

-Стой, пропуск! - тихо послышалось совсем рядом. Микулай щелкнул затвором три раза. Это означало, что свои. Присели на пень.

- Товарищ старшина, на моем участке все в порядке, - отрапортовал один из дозорных пограничников. Однако, с той стороны временами слышны далекие звуки моторов.

И именно в этот момент за границей опять послышались звуки моторов.

-Будьте бдительнее, - приказал старшина и зашагал дальше. «Что за черт творится на той стороне? Такого ведь раньше не бывало», - задумался он.

После полуночи в два часа мокрые от росы Микулай и Паршин вернулись на заставу. Старшина поспешил в канцелярию.

-Товарищ лейтенант, наряд с границы прибыл. Изменений нет. Однако, на той стороне границы совсем близко слышны звуки моторов, - доложил Кудряшов.

-На каком квадрате?

-На двадцать третьем.

-Ладно. Можете идти отдыхать.

Гамаюн поднял трубку телефона и начал звонить.

- На той стороне сегодня ночью беспокойно, - услышал старшина, выходя из комендатуры.

Лежа в постели, Микулай долго не мог уснуть. Мысли, как клубочки, крутились в голове, почему-то вспомнилось детство: как рыбачил на речке с названием Карла, как собирал землянику в лесу, как купался летом на озере Альтирек, бега скакунов на сабантуйе.

Однажды на рыбалке он поймал сома. Никогда не забудет этот случай Микулай.

В первое время он ловил рыбу удочкой, которую смастерил сам. Узнав об этом, дядя Маймак Керкури*, то ли из Чебоксар, то ли из Казани, привез ему настоящую удочку с леской и крючками. Как обрадовался этому Микулай! И крючки разные: и большие, и маленькие. А место для рыбалки у него было свое - тихое место в березовом лесу. Даже в ветреные дни здесь было тихо.

Итак, однажды спозаранку, когда деревня еще спала, он был уже на берегу речки Карла. Березы лениво шевелили своими ветвями. Рядом куковала кукушка, щебетали птички. В этом общем пробуждении, как бы играя, выпрыгивали из воды рыбки. Вдруг на поверхности воды показалась большая рыба, даже небольшие волны докатились до ног Микулая от ее ныряний. От неожиданности у Микулая даже мурашки по спине пробежали. Но все равно он, не шевельнувшись, продолжал пристально смотреть то на красную, то синюю поплавки своих удочек.

Времени прошло уже много. Рыба клевала хорошо. Он уже поймал десять-двенадцать окуней, когда вдруг на удочке в ивняке леска сильно натянулась. Пытаясь вытащить рыбу, Микулай схватился за леску, но рыба его тянула в середину

*Маймак Керкури – Маймак, скорее, прозвище, Керкури – Георгий.

реки. Он чуть было не упал в воду. С большим трудом удалось рыбу подтянуть к берегу. Чудеса, оказался сом. Голова с чугунок, длиннющие усы, в пасть могла бы влезть большой кулак. Микулай почти было уже вытащил бьющегося сома на берег, но выпустил из рук леску, и рыба исчезла в воде. На счастье, удочку он привязал к иве.

Как бы ни билась рыба, Микулай все-таки ее вытащил. Большая попалась. И радость была большая.

Микулай собрал удочки, еле-еле водрузил сома на плечо и пошел домой. В деревне за ним увязалась толпа ребятни, крича: «Сом, сом!». С удивлением смотрели вслед старухи на лавочках.

-Попалось это чудище, немало утят и гусят оно уничтожило, - ругались некоторые.

Дома отец взвесил сома: тридцать два пуда.

-Как целый баран! Наш Микулай поймал сегодня барана, - шутя ответил он ребятам, которая все еще стояла с разинутыми ртами от удивления.

Думы, думы...Незаметно для себя Микулай задремал, а затем уже крепко спал.

Светало. Начальник заставы и дежурный бодрствовали. Туда-сюда вышагивал у ворот постовой, наблюдал, прислушивался вокруг.

Вот проснулись аисты в гнезде над сараем заставы, защелкали своими клювами. Запели петухи друг за другом в ближайшей деревне.

Вдруг зазвонил телефон.

-Слушаю, я - Москва, - ответил дежурный заставы, командир отделения сержант Хасиев, взяв трубку. - Кто? Ты, Пудов?

-Я это, я. Третья вышка, Пудов. Немецкие солдаты режут заградительную проволоку на границе!

Хасиев, бросив трубку, побежал в канцелярию. Доложил лейтенанту Гамаюну о ситуации на границе. Начальник заставы тотчас приказал разбудить пограничников по тревоге.

-Застава, к бою! - громко закричал дежурный.

Спящие сладко пограничники вскочили, быстро оделись, заряжая на ходу оружия, заняли окопы.

Бежавший изо всех сил Микулай слышал длинный телефонный звонок, схватил трубку.

-Слушаю! Третья вышка? Ты, Георгий?

-Товарищ старшина, это я, Пудов. Немецкие солдаты переходят границу. В десятой заставе идет бой. По всей границе с той стороны взлетают ракеты.

Кудряшов подошел к окну. В светлеющем небе горят красные ракеты. Одни, сгорая, падают вниз, другие, одна за другой, взлетают. В это самое время прогремел пушечный выстрел, третья вышка вспыхнула и скрылась в дыму. Микулай, неожиданно для себя, закричал:

-Георгий! Георгий! Пудов!

Когда дым чуть рассеялся, он увидел, как из падающей вышки выпрыгнули двое. Кудряшов немедленно побежал в канцелярию и столкнулся с выходящим оттуда начальником заставы.

-Старшина, врага сейчас же задержать! - громко прокричал Гамаюн и побежал в сторону окопов.

Кудряшов открыл склад с оружием, приказал двум поварам нести ящики с гранатами и патронами в окопы. В этот момент снаряд, просвистев, упал во двор заставы и со страшным грохотом взорвался. Затем снаряды, оглушив все вокруг, стали падать один за другим.

-Быстрее несите! Вдруг попадут в склад! - поторопил старшина поваров.

Услышав голос Микулая, пограничник из комнаты заставы позвал на помощь:

-Товарищ старшина, старшина!

Старшина побежал на голос. Ваня Сорокин, повесив на себя четыре коробки с обоймами, тащил пулемет «максим». Старшина, схватив пулемет, побежал в сторону блокауза.

На границе начался настоящий бой. Пули летели как стаи. Взрывались снаряды, взметая огонь и землю. Вокруг все грохотало. свистело, вздымалось. Осколки снарядов осыпали брустверы.

Ваня Сорокин подносил Кудряшову пулеметные ленты, ящики с

патронами. Он остался один. Пулеметный расчет на границе. Сражается с врагом, напавшим на Родину, огнем отвечая на огонь, защищая границу.

Старшина Кудряшов, Ваня Сорокин, пограничники в окопах, с оружием в руках готовы встретить врага. Совсем недалеко от окопов, как в мирное время, чуть колышется цветущая рожь. Кудряшов, заметив, как, пригибаясь, в их сторону бежит человек, схватился за пулемет. Когда почти готов был уже нажать на гашетку, он узнал Пудова.

-Это же Георгий! Быстрее! Быстрее! Ах, Георгий! - обрадовался старшина.

Пудов на заставе был самым высоким. Старшина не раз мучился, пока его оденет-обует. Любая шинель выше колен, рукава - до локтей. И все приходилось шить на заказ.

Пудов спрыгнул в окоп, смахнул широкими ладонями пот, катящийся градом со лба.

-Эх, родные, это не провокация, - сказал он со вздохом, - кажется, проклятые немцы начали войну. Вон, как рвутся. Нет, это не провокация...

Неожиданно на границе бой стих. Все поняли: наряд пограничников, не отступив ни на шаг, сложил головы.

Чуть спустя, все услышали немецкое пение.

Затем за высокой рожью показались и сами немцы, которые поднимались к заставе.

-Без моей команды не стрелять! - сказал старшина.

Пудов взял на прицел идущего впереди строя немецкого офицера.

В окопах за шоссе - лейтенант Гамаюн. Там уже заработали пулеметы, но Кудряшов пока выжидал. Враг все ближе и ближе. Офицер, что на прицеле Пудова, шатался из стороны в сторону. Он был пьян. Кричал, вскидывая руки: «Хайль!». А солдаты за ним дружно повторяли.

Вот уже из ржи показался третий ряд фашистов.

-Огонь! - закричал Кудряшов и нажал на гашетку пулемета. Немецкий офицер, схватившись руками за грудь, остановился, как бы удивленно вытаращил глаза и упал назад.

-Жги! Жги! - кричит старшина, поливая пулеметным огнем фрицев.

Немцы, кажется, начали трезветь. Бой не утихает, а разгорается сильней. Силы неравны, пограничников слишком мало. Есть уже и раненые, и убитые.

"Эх, мало нас", - стреляя, с горечью думал Микулай. И патронов, и гранат все меньше. А фашист, как змея, все ползет вперед.

Сорокин, вон, зарядил ленту с патронами, оглядевшись, понял, что ящики пусты. Эта - последняя.

-Патроны кончились, товарищ старшина. Последняя лента, - дал знать он Кудряшову.

-Заряжай ленты, чего ты смотришь? - закричал старшина, не расслышав слова Сорокина.

Сорокин, подойдя ближе к старшине:

-Патроны кончились! Будем отступать?

- Отступать? – глазами, полными слез, посмотрел Кудряшов на Сорокина. - Куда...Куда ты хочешь отступать, родной? За нами для отступления нет земли!

Прибежал связной. Группе старшины приказано отступать к комендатуре. Старшина, услышав это, побледнел. Он, сражаясь, каждую минуту надеялся, что подоспеет помощь и фашистов удастся оттеснить за границу, а теперь...Не поверив, он еще раз переспросил у связного. Затем подозвал к себе сержанта Хасиева и младшего сержанта Шишлова.

-Слушайте, такой приказ, - сказал он, опустив глаза, - ты, Хасиев, со своим отделением остаешься здесь. Шишлов и младший сержант Константинов со своим отделением отходят к комендатуре. Мы с Сорокиным будем вас прикрывать. Спешите, патронов мало. Место сбора - у

кузницы на берегу.

-Так точно! - ответили хором Хасиев и Шишлов.

Отделения одно за другим оставили окопы и ушли на восток. В блокгаузе остались только Кудряшов с Сорокиным.

Немцы, почувствовав ослабление обороны, вновь начали наступление.

-Товарищ старшина, теперь ваша очередь уходить. Вставляю последнюю ленту. Спешите, выходите из блокгауза.

Сорокин в осмелевших вражеских солдат стрелял короткими очередями. Кудряшов, выходя из блокгауза, в окопе увидел четыре гранаты и, одну за другой, бросил в сторону врагов. Воспользовавшись моментом, выбежал из траншеи и юркнул в сарай. Поднявшись на чердак, стал ожидать Сорокина, волнуясь за него.

Вскоре в траншее показался Сорокин. Бросил в приближающихся фашистов две гранаты и быстро выбежал из траншеи. Но...в этот момент семь-восемь немцев навалились на него, подмяв под себя. Вдруг под ними поднялись пламя и дым, гитлеровцев раскидало в стороны. Так погиб Сорокин, взорвав противотанковой гранатой и себя, и ненавистных врагов.

Кудряшов побежал к окну. Отсюда хорошо виден Наумистис. Из здания комендатуры валит черный густой дым. Городские улицы пусты и безлюдны.

Старшина, высунув голову, осмотрелся. Среди яблонь заметил трех фашистов, приближающихся к сараю. «Заставу хотят окружить справа. Отрезают мне путь» - промелькнуло в голове. Поставив на оконную раму винтовку, он выстрелил последние патроны. Осталась только одна граната. Спрыгнув вниз сарая, бросил гранату в бежавших к заставе фашистов.

...Маленькая группа пограничников удерживала заставу с четырех часов утра до полудня.

Далеко-далеко слышался раскат канонады. В синем небе

бомбардировщики Ю-88 с черными крестами, ревущие "мессершмиты" группами пролетали над головой. В воздухе удушливый запах гари. Вокруг погранзаставы сплошные воронки от снарядов. Еще и после полудня здесь бушевал огонь. Маленькая группа пограничников, приняв здесь на себя бой, удерживала фашистов, пока не получила приказ отступить к комендатуре. Застава опустела.

Вот на шоссе показался легковой автомобиль. «Опель», на полной скорости въехав во двор заставы, визжа тормозами, остановился. Из него, пыхтя, вышел полный, с висящими пухлыми щеками, коротконогий СС оберштурмфюрер. За ним показалась голова женщины, с сильно накрашенными красными губами, с растрепанными волосами, с сигаретой во рту.

-Курт, помоги мне, - сказала она по-немецки капризным голосом.

-Сейчас, Луиза, айн момент.

Курт, с трудом повернувшись, протянул женщине руку с пухлыми пальцами.

Курт, Луиза и долговязый офицер, которого звали Отто, стали осматривать заставу. Увидев в хлеву упитанных свиней, у Курта загорелись глаза.

-Шесть свиней! О, богатый трофей, не меньше шести центнеров. Отто, - повернул он голову к Отто, идущему сзади, - оставайся здесь, пока я не найду в городе подходящую квартиру. Чтобы никто не зарился на это богатство, предупреди, что это все принадлежит коменданту города Курту Шмульткену.

- Слушаюсь, - ответил Отто.

-Смотри, никого сюда не пускай, - погрозила тонкими пальцами Луиза.

Рядом послышался лай собак.

-Ах, и собаки здесь есть. Одну себе бы взять, Курт - капризно проговорила Луиза.

-Дорогая, здесь все, что есть, наше. Давай, посмотрим, самая лучшая и умная будет твоей.

Собаки, увидев во дворе чужих, принялись угрожающе лаять. Луиза обошла все вольеры и остановилась около Трезора.

-Курт, Курт, иди сюда. Смотри, какая хорошая. И глаза у нее умные. Как его, интересно, кличут?

-Трезор, - ответил Курт, прочитав дощечку, прибитую к вольеру.

-Трезор, красиво звучит. Курт, выведи его, мы его увезем сейчас же.

Трезор как бы с любопытством смотрела на людей, стоящих перед ним. Ушки торчком, как перед командой "фас". Он восемь лет помогал ловить нарушителей границы, награждался медалью. Умница. Не дотрагивался до корма из чужих рук. Не давал никому себя погладить. Принимал только своего хозяина и слушался только его.

Курт вошел в вольер. Тотчас Трезор кинулся ему на грудь и, опрокинув его, начал с остервенением терзать. Луиза от страха завизжала и, быстро семеня ногами, побежала. Но Трезор догнал ее. Прыгнул ей на спину, вцепился зубами в затылок. При прыжке когтями разорвал ее шелковое платье. Не переставая визжать, Луиза отмахивалась руками. Вот пес повалил ее на землю. И в это время прогремел выстрел. Две пули вошли в грудь Трезора. Последний раз с ненавистью посмотрел он на своих врагов и без единого стога медленно закрыл глаза.

Как только лейтенант Гамаюн с остатками пограничников ушел со двора, Лиза завела детей в дом, быстро собрала два чемодана самых необходимых вещей и спрятала в сено в сарае.

Наумистас быстро заполнился вражескими солдатами. По каменным мостовым города застучали они своими сапогами. Вокруг рев машин, мотоциклов, крики на незнакомом языке.

Жена Гамаюна Лиза родилась и выросла в шахтерской семье в

Горловке. Там же выучилась в горном институте и получила диплом инженера-металлурга. Природа щедро одарила ее красотой. Высокая, статная. Зубы белые, как жемчужины. Светлые, как лен, волосы. В ее синих глазах всегда сквозила доброта. Точенные красивые ноги.

Высокий, черноглазый двадцатилетний Михаил Гамаюн работал шахтером в Горловке, а Лиза там же инженером. Встретив Михаила, влюбилась. Девушка с доброй красивой улыбкой и звонким голосом не могла не задеть сердце парня. После смены, одевшись и с шляпой на голове, он всегда спешил к любимой.

А Лиза всегда с нетерпением ждала у окна любимого. Увидев среди толпы высокого, широкоплечего Михаила, не выдержав, выбегала навстречу.

Вот и сейчас Лиза смотрела в окно. Ее глаза наполнились слезами. Больше нет здесь веселой снующей городской толпы. Вместо нее - солдаты в темно-зеленых обмундированиях, танки, машины, мотоциклы.

Невыносимо болело сердце у Лизы. Так больно ей не было никогда. Никогда не горели ее синие глаза с такой ненавистью, не жгли их слезы. Слезы печали в ее глазах появлялись только в те времена, когда она ждала два года Гамаюна из Саратовской командирской школы. Вот он уже лейтенант-пограничник. Они поженились. Отец Лизы, старый шахтер, глядя на дочь и зятя, всегда довольно улыбался в усы.

Сейчас эти счастливые дни кажутся Лизе далеким сном. Радость погасла в ее глазах. Вместе с маленьким отрядом пограничников, которые отступали к комендатуре.

Дети, Тамара и Светлана, сидят на полу. Лиза, вытерев слезы, подошла к дочерям, крепко обняла их и поцеловала. Затем взяла за руки и вышла из дома. Она решила сходить к жене коменданта Марии Ивановне. Как они будут жить дальше, что делать? На улице на каждом шагу немцы. Лучше идти огородами. Оттуда до улицы Свободы не так далеко. Да и безопасно. Но...неожиданно во двор зашел немецкий офицер. Он сразу увидел Лизу. "Через мои руки прошли француженки, чешки, полячки, венгерки. Теперь будет русская женщина" - самодовольно подумал он, шагая

к сараю.

-Рус фрау, хальт!

Лиза, погруженная в свои тяжелые мысли, не сразу услышала окрик, и уже выходила через задние двери сарая к огороду. Вздрыгнула, услышав еще громче «Хальт!», и нехотя обернулась. Перед ней стоял немецкий офицер. У него лицо было усыпано веснушками, бесцветные глаза и длинный острый нос, на голове каска. В худой руке он держал маузер. Увидев Лизину красоту, он начал что-то быстро лопотать, показывая рукой на сарай. Лиза все поняла, но не сдвинулась с места.

-Шнель! - зло закричал он, опять показывая рукой на сарай.

Лиза, держа дочек крепко за руки, стояла молча. Бледная, с ненавистью смотрела на офицера. Он толкнул ее в сторону сарая. Тамара и Светлана, держась за платье матери, громко заплакали.

-Фу, рус, сфиня!

И офицер, схватив девочек, отшвырнул их в стороны. Маленькая Тамара, перевернувшись несколько раз, ударилась о столб. Светлана упала лицом в землю. Взбешенный офицер схватил Лизу за талию и потащил ее к сараю. Лиза, всеми силами упираясь, вырвалась из его рук. Вскочила и Светлана. Ее светлые волосы взлохматились, во рту земля, из носа струилась кровь.

-Мама, мама! - испуганно глядя на немца, она схватилась за мамино платье. Тамара тоже побежала к матери.

-Сфиня! - взвизгнул немец и выстрелил два раза из маузера. Светлана и Тамара, раскинув руки, упали на траву.

-Ах! - только и успела сказать Лиза. И всей силой набросилась на немца, схватила его за худую шею и начала со всей силы душить. Маузер упал на землю. Немец, пытаясь освободиться из рук Лизы, попятился, и, споткнувшись об тело Светланы, упал на землю вместе с Лизой. Но она не отпустила его шею, навалилась всем телом. Ненависть, боль, отчаяние придавали ей сил. Зубами вцепилась в его длинный, острый нос. Затем немец

под ней перестал дергаться, его тело обмякло. И Лиза потеряла сознание.

...Время уже к полудню. Летний ветерок шевелил ее светлые волосы, ласкал ее лицо.

Лиза медленно пришла в себя, открыла глаза. Увидев перед собой синеющий труп, с ужасом вскочила. Не страшный ли это сон? Ах! Сердце рванула нестерпимая боль. Начала обнимать неподвижные тела своих дочек, целовать их холодные губы. Затем ее слезы высохли. Прижав к груди девочек, она через двор вышла на улицу. Здесь все так же гудели машины. Кое-где бесхвостые лошади тянули пушки. Лиза, никого не замечая, шла по улице. Но вот ее окружили пьяные солдаты. «Рус фрау!» - издевались они. Лизу тянули за волосы, толкали автоматами. В эту «игру» подключился и офицер. Обессиленная Лиза еще крепче прижала дочек к груди и, собрав последние силы, плюнула в лицо офицера. Тот закричал страшным голосом. Разъяренные солдаты вырвали тела девочек из рук матери.

Офицер, держа Светлану за одну ногу, поволок ее по улице. Ее светлые волосы рассыпались по мостовой. Лиза, не выдержав, побежала за офицером, но в это время тот бросил труп девочки перед пятитонной машиной, перевозившей пушки. Лиза закричала, бросилась к машине, но не успела. Кто-то подставил ей ногу, и она упала. Тяжелая машина с грохотом проехала по маленькому телу...

Лиза со стоном поднялась на ноги. Опять упала под чьим-то ударом. Пьяные солдаты придумали себе новое развлечение: схватив Лизу за волосы, поволокли ее по улице. Временами пинали ногами, толкали прикладами автоматов. Наконец, окровавленную, грязную, потерявшую сознание женщину, подняв за волосы и ноги, бросили через забор в огород.

Лейтенант Гамаюн не успел перебежать через улицу, пошатнувшись, ничком упал на землю. Хасиев тотчас подбежал и, подняв его, побежал дальше.

Гамаюн был тяжело ранен. Он дышал тяжело и прерывисто, еле слышно прошептал Кудряшову, который стоял перед ним на коленях:

- Родные, не срамите имя советского пограничника. Не щадите врага, бейте его. Как Сорокин...Я...

Его дыхание прервалось, все тело вздрогнуло, вытянулось. Молодое сердце лейтенанта перестало биться.

-Товарищ лейтенант, товарищ Гамаюн...- надеясь, что он потерял только сознание, старшина начал расстегивать его гимнастерку. Но, увидев рану на левой груди и что он не дышит, понял, что Гамаюн мертв. Глядя с болью на товарища, снял фуражку.

-Умер, - сказал он, еле скрыв от окруживших его пограничников свой дрожащий голос.

Тело лейтенанта, чтобы не оставлять на издевательство врагов, понесли через огороды к комендатуре. Когда дошли до ручья, Кудряшов произнес:

-Стойте, товарищи, - и посмотрел на ту сторону речки. - Отсюда комендатура недалеко. Видите, там клубится дым. Значит, горит. Только вот есть ли там кто-нибудь. Надо идти осторожнее. Сейчас идем к железному лару у берега, как условились.

У лара небольшой отряд Кудряшова встретили четыре пограничника.

-Мы сюда отступили по приказу Гамаюна. Комендатура в руках немцев. - сказал один из пограничников.

Старшина задумался. Теперь вся ответственность легла на его плечи. Мокрые от пота его кудрявые волосы повисли на лбу. Что делать дальше? Как добраться до своих?

- Я думаю, - глубоко вздохнул он, - нам лучше идти по оврагу, по густому ивняку. Там у комендатуры мы выйдем к стрельбищу, и оттуда недалеко до леса. Как вы думаете?..

Неожиданно совсем недалеко послышалась стрельба из автоматов, взрывы гранат, крики немцев: «Хальт! Хальт!».

-Поспешим, товарищи. Враг идет сюда. Хасиев, несите тело Гамаюна.

Гранаты держать наготове. За мной!

Группу пограничников старшина повел по низу оврага. По густому ивняку они двинулись в сторону комендатуры. Они не знали, что немцы здесь перекрыли дорогу, установив пулемет на высоком берегу. Вот пограничники почти уже дошли до комендатуры. Но здесь их заметил немецкий солдат. Вскочив, размахивая гранатой, он закричал:

-Хальт, рус, сдавайсь!

Бросить гранату немец не успел. Кудряшов одним выстрелом уложил его.

- Быстрее! - крикнул старшина идущим сзади пограничникам.

С высокого берега застучал немецкий пулемет МГ. Но пограничники уже вышли к месту, где вражеские пули их не могли достать. Засада осталась позади. Пограничники вышли к стрельбищу. Теперь осталось дойти до леса. Группа остановилась. Кудряшов, поднявшись на берег, внимательно огляделся по сторонам. Немцев не видно. До леса - сто метров бегом по открытому месту. И там - спасение.

-Идем, не отставать, - произнес старшина, спустившись вниз. - Дайте мне лейтенанта, вы устали.

- Мы сами, товарищ старшина, не устали.

Микулай осторожно перекинул тело лейтенанта на плечо, поднявшись на берег, побежал в сторону леса.

...Густой лес. Лишь там, где деревья пореже, видны их качающиеся верхушки. Кудряшов опустил тело лейтенанта Гамаюна на землю. Тяжело дыша, не скрывая подступившие слезы, он заговорил:

-Товарищи...Неизвестно, сколько придется еще идти. Лейтенанта похороним здесь. Пусть далеко от его родины, но это земля нашей Родины, красивое место.

На поляне быстро вырыли могилу.

Кудряшов, сняв фуражку, подошел к лежащему на сырой земле телу лейтенанта.

-Родные, - вытерев бежавшие по лицу слезы, сказал он. - Сейчас мы навеки прощаемся с нашим любимым командиром лейтенантом Гамаюном. Его светлый образ навсегда останется в нашей памяти. Спи спокойно, дорогой товарищ. Перед твоей могилой клянемся, что, как достойные сыны своей Отчизны, будем сражаться до последнего дыхания. Отомстим за весь советский народ. Пусть земля тебе будет пухом. - Кудряшов прикоснулся губами к холодному лбу командира. Другие пограничники тоже с болью простились с начальником заставы. Засыпав землей могилу, на небольшой холмик положили зеленую фуражку лейтенанта.

Одинокая могила в лесу осталась уже далеко. Пограничники молча, быстрым шагом шли за старшиной. Они спешили дойти до своих, влиться в их ряды и продолжить борьбу с врагом.

Идущие впереди в дозоре Хасиев и Пудов вдруг остановились, подозвали к себе старшину.

Шоссе. Немецкие мотоциклисты на большой скорости несутся в сторону пограничников. Микулай приказал отдать все гранаты отделению Хасиева. Хасиев с пограничниками ушел вперед в поисках удобной позиции для засады. Сам старшина с другими товарищами залегли рядом с шоссе.

Лес наполнился звуками моторов. Немцы чувствовали себя уже хозяевами. Они совсем близко. В коляске переднего мотоцикла - офицер. Он то и дело и посматривал в бинокль.

-Огонь! - скомандовал старшина.

По лесу разнеслись звуки залпов из винтовок, взрывов гранат. Едущие впереди мотоциклы остановились, пытаясь развернуться, но на них на полной скорости наезжали едущие сзади. Лишь шести вражеским мотоциклам удалось развернуться и спешно удрать. Остальные остались на шоссе в виде трупов и груды металла.

Хасиев с Пудовым подошли к переднему мотоциклу. Офицер оказался жив, его лишь придавило. С перекошенным лицом он пытался вытащить из кобуры пистолет. Увидев это, Кудряшов быстро выхватил его из рук офицера.

-Попался, - сказал удовлетворенно старшина. И, обернувшись к Пудову, - Пудов, расстрелять ирода!

...Через каких-то полчаса пограничники вышли к опушке леса. Вдалеке, на возвышенности, увидели солдат.

-Наши, видите! На высоте наши солдаты! - радостно закричал рядовой Шишлов.

-Хасиев, дай-ка немецкий бинокль, - попросил Кудряшов. Он долго смотрел в бинокль в сторону высоты. - Да, это наши. Укрепленная линия...

Позабыв усталость, голод, опасность Кудряшов бросился к высоте.

Солдаты укрепрайона с радостью встретили пограничников, начали угощать. Кто предлагал консервы, кто сгущенное молоко, кто галеты. Вот и чай готов.

-Ешьте, ешьте...Как добирались? - начали затем расспрашивать.

-Нормально.

Вскоре прибыл командир роты.

-Встать, смирно! - дал команду Кудряшов. -Товарищ капитан, мы отряд пограничников, отступая, вышли на ваш укрепленный район.

-Сколько вас?

-Тринадцать.

-Почему нет старших командиров?

- Начальник заставы убит немцами, мы его похоронили в лесу.

Капитан со старшиной, разместив пограничников в первом взводе, пошли в командный пункт - в землянку. За столом, сколоченном из досок, сидел капитан Фадеев. Он очень напомнил погибшего Гамаюна. Такой же с горбинкой острый нос, черные глаза, широкие плечи. Даже черные волосы причесаны как у Гамаюна. И голос - мягкий баритон. Отличался только черными усами. Если сбрить усы - вылитый Гамаюн.

-Товарищ старшина, - поднял глаза от бумаг капитан. - С этого часа Вы будете командиром первого взвода.

- А где их командир?

- Не успел вернуться из очередного отпуска.

- Так точно!

Н-ская дивизия своевременно не успела прибыть к месту назначения у границы, только несколько частей успели расположиться. Поэтому и переживал капитан. Посыльные в штаб также не успели вернуться - началась война.

Солнце село за высотой. Черные тучи, выползая из-за леса, потихоньку накрыли небо. Но ветер летний, теплый. Слышно, как ухают пушки. На западной стороне небо окрашивало красное, как кровь. зарево.

Микулай, глядя на запад, до боли стиснул зубы.

-Ну, запомните, гитлеровские собаки, это вы принесли на Отчизну смерть и пожары. И знайте, не будет вам пощады, советский народ вам не победить. - размышлял он, шагая к взводу первого взвода знакомиться со своими подчиненными.

Солдаты встретили старшину невесело. Но старшина, решив их подбодрить, рассказал о боях пограничников на границе.

-Товарищ старшина, - сказал один из пограничников, когда Микулай встал, чтобы уйти. - Вы же знаете Розу Палискауса. Так вот, наш сержант Хасиев, прощаясь, целовался с ней.

- Это так, Хасиев?

- Нет, товарищ старшина, - махнул рукой тот, - врет он.

Но после расспросов старшины он рассказал следующее.

- Когда тяжело раненого лейтенанта перенесли через улицу, Вы остались с ним. Мы с Паршиным остались наблюдать за улицей. Вдруг увидел, как через улицу перебежал немецкий солдат и исчез во дворе Палискуасов. Я чуть приоткрыл дверцу погреба и увидел фрица на ступеньках веранды. И Розу там же. На ней был цветастый халат. Кокетничает с солдатом. Я не выдержал, вышел во двор. Тут уже Роза увидела меня. И солдату рукой показала в мою сторону. Не раздумывая, я выстрелил. Солдат повалился на Розу. Хотел и Розу застрелить, но пожалел.

- Палискуасы были торговцами, Гамаюн предупреждал, что они ненадежные, с ними надо быть осторожными, - сказал старшина, одергивая гимнастерку.

Лампа, смастеренная из масленки, едва освещала внутрь дзота. Даже под землей вздрагивала огонь лампы от далеких взрывов.

За полночь, проснувшись, Микулай вышел из дзота и зашагал в сторону землянки. Ночь теплая, ласковая. Но зарево все так же окрашивало ночное небо.

Капитан Фадеев дремал, положив голову на стол. В другой половине землянки, огороженной досками, сидели связные. Услышав шаги в землянке, Фадеев поднял голову.

- Похоже, задремал, - сказал он, ладонями энергично протирая лицо. - Проходите, старшина.

Капитан, закулив сигарету, пригласил Микулая присесть.

- Чуть познакомлю с картой, - закашлявшись, сказал он. - Запоминайте: отметки красным карандашом - это линия нашей обороны. Вот эти - пулеметные точки. Соседи - вот здесь. Да, старшина, забыл сказать. Сегодня ночью из второго взвода сюда привели одну женщину, похоже, шла

к нам. Жена лейтенанта Гамаюна. На нее страшно смотреть, вся в крови, грязи. Поговорите с ней, сейчас она отдыхает у связных.

-Пусть отдыхает, - задумчиво сказал старшина, - будить нет смысла. Успею поговорить.

-И то правда.

Капитан Фадеев, поднявшись, начал туда-сюда вышагивать по землянке, размышляя вслух.

- Наша оборона слабая, это очевидно. Но до прибытия дивизии оборону будем держать. Для нас самое опасное место - вот это. - указал он кончиком карандаша на карте. Враг здесь может по реке выйти в наш тыл, окружить нас. Поэтому, старшина, разместите пулемет в этом месте. Начинайте копать окопы. И поспешите, уже светает.

Вдруг тишину разорвали звуки стрельбы из автоматов и пулеметов.

- Началось! - капитан быстро убрал в планшет карту. - Немцы пришли. Скорей на оборону!

Выйдя из землянки, быстро побежал в сторону укрепления. Стрельба нарастала. Со свистом прилетали мины, оглушая при взрыве. Сверкание трассирующих пуль в светлеющем дне.

Микулай Кудряшов добежал до своего взвода. Георгий Пудов, лежа за пулеметом, сквозь зубы проговорил:

- Товарищ старшина, опять эти драконы здесь.

Гитлеровцы, воспользовавшись утренним туманом, попытались прорвать линию обороны. Но под шквалом огня их атака провалилась, они отступили.

Спустя некоторое время в тылу обороны небо осветили красные ракеты. Немцы, как и предполагал Фадеев, пытались сомкнуть окружение.

Пудов, вытирая потное и грязное от пыли лицо, посмотрел в глаза Микулая.

-Ну, старшина, что будем делать? Сможем ли не дать окружить нас?

Кудряшов тоже посмотрел в глаза Пудову. Хотя и взволнованный голос был у солдата, но страха на его лице не было. Не тот человек Пудов, хоть и служил недолго. Если рота поднимется в атаку, он будет первым.

-Не сомневайся, Григорий, прорвемся, хоть немцы и пришли нас уничтожать. - твердо сказал старшина.

Жаркий день сменил прохладный вечер. На небе засверкали первые яркие звезды. В воздухе запах гари, дыма. За этот день враги поднимались в атаку несколько раз, но прорвать линию обороны им не удалось. Сейчас слышались редкие, как бы ленивые, пулеметные выстрелы.

Лиза Гамаюн сама нашла старшину. Она весь день, переходя из траншеи в траншею, из окопа в окоп, перевязывала раненых. За две недели до начала войны она окончила курсы санитарок в 105-м погранотряде. Лиза сейчас изменилась до неузнаваемости: лицо осунулось, глаза потускнели, в волосах блестела седина. Увидев старшину, она сначала молчала, потом, положив голову ему на грудь, громко зарыдала.

-Прости, Лиза, не сберегли мы лейтенанта, - со слезами на глазах сказал Кудряшов.

-Знаю, все знаю. Рассказал мне все сержант Хасиев.

-Война,- глубоко вздохнул Кудряшов.

Лиза рассказала старшине о своем горе. Рассказала о смерти своих дочек, о том, как немцы издевались над их маленькими телами. Повесив голову, Кудряшов слушал. Его сердце то холодело, то горело, как огонь.

-Ладно, успокойся, родная, успокойся...Знай, отомстим мы этим кровопийцам и за лейтенанта, и за дочек. За всех советских людей отомстим. Все равно отомстим, - сказал он с болью, но твердо.

В это время прибежал посыльный: срочно прибыть к командиру. Кудряшов, взяв с собой младшего сержанта Василия Шишлова, поспешил в

командный пункт роты. Шишлов, как и Кудряшов, родился и вырос в деревне Татарской республики. Ему двадцать три года, среднего роста, с голубыми глазами и светлыми волосами. Они называют друг друга "земляками".

Едва он вошел в землянку, командир роты, не дожидаясь его доклада, предложил присесть. Командиры взводов тоже все здесь.

-Товарищи, - начал капитан Фадеев, - боеприпасы на исходе. Завтра отбить атаки их не хватит. От командира батальона поступил приказ отступать. Дальше ночи здесь оставаться нельзя. Надо прорвать окружение. Сейчас необходимо разведать пути отступления. Если прорвемся, двинемся в город N, там основные силы дивизии. Кто пойдет в разведку?

- Я, - встал старшина.

-Хорошо. Остальные... - капитан обвел взглядом командиров взводов, - готовьте личный состав к прорыву.

Командиры взводов разошлись по своим отрядам. Через пятнадцать минут старшина Кудряшов и его пять пограничников были готовы и отправились на задание.

Спустились к реке. Найдя укромное место, Кудряшов сказал:

-Вот что. Стрелять и применять гранаты только в самом крайнем случае. Хасиев с Петрусенко пойдут по левому берегу, Шишлов с Паршиным по низу реки, я с Пудовы пойду по правому берегу. В случае опасности будем помогать друг другу. На обратном пути встретимся здесь же. Все поняли? Ну, в добрый путь, родные.

Шишлов пробирался сквозь густые заросли внизу реки. Его сердце билось учащенно. Даже устыдил он себя за это. И не удивительно, ему ведь не приходилось раньше бывать в разведке. Вокруг было тихо. Они уже ушли довольно далеко. Следом шел Паршин. Вдруг недалеко послышались негромкое бормотание, какой-то шум. Ребята, остановившись, прижались к земле. Прислушались. Все тихо. Разведчики опят медленно поползли. И тотчас все вокруг осветила ракета. Шишлов с Паршиным замерли, перестав

дышать. По Васиной спине пробежал холод: «Неужели заметили?». Опять все стихло. Подождав, они поползли.

В стороне, куда ушли старшина с Пудовым, послышалась короткая пулеметная очередь. С той же стороны, как бы из-под земли, слышался непонятный звук, похожий на свист. Что же это может быть? Остановившись, прислушались. Человек так не может свистеть, тогда кто? На время Васюк даже забыл, что надо ползти вперед. «Чего ты остановился, Васюк? Ползи вперед» - сам себя пожурил он. И начал медленно ползти. Свист все ближе и громче. Удивительно. Эх, Васюк, Васюк, ну и трус же ты. Помни, ты - разведчик.

Шишлов уже совсем близок от места, где слышен этот странный свист. Теперь со свистом слышен и храп. Еще чуть продвинувшись, Шишлов перед собой различил темные бугорки. Они ему очень даже знакомы. «Немецкие окопы, передняя линия», - про себя подумал Васюк. Он теперь увидел и бруствер, и пулемет, рядом, на насыпи, автомат. На дне окопа, на свежей траве, крепко спали два немца, посвистывая и похрапывая. Тихо подполз Паршин и лег рядом с ним.

«Что же делать? - спрашивал сам себя Васюк. - Идти вперед или... Если просто уйти вперед, то эти же немцы могут проснуться и перекрыть им обратный путь. И огонь открывать нельзя».

Шишлов, не совсем еще понимая, что делает, вытащил штык. И, прыгнув в окоп, двумя ударами штыка без шума прикончил спящих немцев. Припрятав пулемет и автоматы под ближайшим кустом, разведчики поползли дальше.

Скоро они дошли до соснового леса. Он не был слишком густым. В середине поляны горел костер. Вокруг него сидели немецкие солдаты и офицеры. Теперь стало понятно, что это передовой отряд.

Разведчики повернули в обратную дорогу. По пути прихватили припрятанный пулемет и автоматы. На место сбора отряда они пришли первыми.

-Товарищ младший сержант, я даже не мог подумать, что вы такой, -

отдышавшись, сказал Паршин.

-Какой такой? - не поняв, спросил Шишлов.

- Ну, так сказать, такой бесшабашный.

-Так и надо уничтожать фашистов. Они хотят нас превратить в рабов, хотят отнять нашу любимую Родину. Здесь только одно: фашист должен быть уничтожен.

Спустя некоторое время к ним присоединились и другие вернувшиеся разведчики. Шишлов коротко доложил старшине о том, что случилось при исполнении задания.

КП. Капитан Фадеев, поглядывая на ручные часы, нетерпеливо ходил взад-вперед по землянке. Он с нетерпением ждал разведчиков. «Окружение надо прорвать как можно быстрее. Боеприпасов совсем мало, не продержимся» - думал он.

Когда в землянку вошел Кудряшов, он облегченно вздохнул.

-Ну, как, - сразу спросил он, не дожидаясь доклада, - разведка состоялась?

- Все в порядке.

- Сможем ли без потерь прорваться?

- Сможем, товарищ капитан, прорвемся.

Дальше Фадеев, не перебивая, выслушал доклад старшины. Его лицо просияло.

- Вы со своим взводом пойдете той же дорогой. Ваша задача: уничтожить расположившихся в лесу немцев и пулеметное гнездо. Только будьте поосторожнее.

- Как связываться с ротой?

- Как только выполните задание, запустите подряд две зеленые ракеты.

Рота будет ждать вашего сигнала вот здесь, - на карте показал капитан. - Если сорвется, дайте одну красную ракету. Рота придет на помощь.

...Разведчики опять скрылись в темноте. Вот они уже в лесу, в нескольких метрах от первой вражеской пулеметной точки.

На посту всего один солдат. Видно, как он подбрасывает дрова в костер. Вот он щелкнул зажигалкой и закурил. Что-то пробурчал недовольным голосом.

Пулеметная точка совсем рядом. Одним рывком Микулай встал и прыгнул на постового, и с ним было быстро покончено. А спящего немца накрыл своим телом Пудов...

Уничтожив таким образом пулеметную точку, группа пограничников собралась в установленном месте и скрылась в еловом лесу.

Немцы все еще сидели у костра. Привыкшие к легким победам, они не думали об опасности. Двое, свернувшись у костра. Четверо сидели, прижавшись друг другу. Один из них играл на губной гармошке, а остальные что-то подпевали. Долговязый солдат подбросил в костер хворост, и огонь и искры взметнулись высоко, освещая деревья.

Один из них, поковырявшись штыком в патроне, бросил его в костер. Вокруг все ненадолго засветилось зеленым светом.

-Ракету бросают, - шепотом сказал старшина лежащему рядом Хасиеву.

Присоединился еще один солдат. Ракета за ракетой полетели в костер. Затем заиграла веселая музыка, и двое солдат, притоптывая, пустились в пляс.

Вот прозвучал условный сигнал. Перед веселящимися немцами, как из-под земли, выскочили пограничники. Нет, немцы не ждали здесь никого. Они чувствовали себя в безопасности, надеясь на постовых и пулеметные точки. Штыки пограничников быстро закончили свое дело. Для роты путь открыт.

Когда рота вышла из леса, было уже светло. Вовсю щебетали птички. Застучал дятел.

Дозор сообщил, что впереди просвет.

Опушка леса. Перед ротой простирался огромный изумрудно-зеленый луг. На горизонте виднелись белые городские дома.

- Шяуляй, - со вздохом сказал Кудряшов. Он знает этот город. Ведь еще только месяц назад он в этом городе участвовал на соревнованиях по легкой атлетике между частями военного округа. Здесь еще нет немцев. Но остановят ли наши полки многочисленные войска врагов? Границы отчизны остались далеко. Войска отступали. На очереди теперь этот город. Враг быстро проникал вглубь страны.

Рота шла по некошенной траве. Микулай приметил в траве нежно-голубой цветок и, наклонившись, осторожно сорвал. Какой он красивый! Глядя на этот прекрасный цветок, его мысли унеслись далеко.

Три года назад он такому же зеленому лугу шел со своей любимой девушкой Валец. Был какой-то праздник в тот день. На берегу реки звенели песни и смех молодежи. Микулай тогда сорвал такой же нежно-голубой цветок и протянул любимой.

- Эх, Валя! Знала бы ты, как я тебя люблю, - выдохнул он. И, не смея смотреть ей в глаза, покраснел. Потом их глаза встретились. Застенчивый Микулай опять отвел взгляд, и горячая кровь хлынула к лицу, обжигая и выдавая его волнение.

Эх, что и говорить, счастливые тогда были дни! И как давно это было. Не сон ли это был? Только что сорванный цветок Микулай прижал к сердцу, затем поднес к губам. Такие же голубые глаза у ее любимой Вали. Мысли уносили его все дальше и дальше.

-Отставить! - команда капитана Фадеева оторвала его от воспоминаний. Оказалось, что солдаты, увидев оборонную линию, побежали в ту сторону. Через несколько минут рота вышла к ближайшей линии

недалеко от Шяуляя. Роту оставили в третьем батальоне дивизии. До особого распоряжения отряд Кудряшова также оставался в роте.

В бездонном небе ни одного облака. Солнце, не жалея своего жара, палит. Уставшие, не спавшие сутки солдаты, распростерлись на траве и уснули. Кудряшов и Хасиев, незаметно для себя, погрузились в глубокий сон.

- Воздух! В укрытие! - разбудил всех крик Фадеева.

С запада с ревом летели самолеты.

- Тридцать бомбардировщиков Ю-88, девять «мессершмитов», - подсчитал Микулай.

Со стороны города им навстречу летели три истребителя И-16.

- Слишком мало вас, наши соколы, слишком мало, - вслух произнес Микулай. Тяжело на душе у него.

Начался воздушный бой. Вот один «юнкерс» оставляя за собой черный хвост, рухнул на землю. Подали голоса зенитки. Вой моторов, взрывы снарядов, треск пулеметов - все слилось в непрерывном грохоте. Небо покрылось черным дымом. Подбиты уже три «юнкерса». Но оставшиеся все-таки долетели до города. Круг за кругом сбрасывали они бомбы на город. Воздух дрожал. Белый город накрыл черный дым. Сбросив бомбы, «юнкерсы» повернули назад. Тут наш истребитель сел в хвост одному «юнкерсу». «Стреляй, почему не стреляешь?» - с досадой прокричал старшина. В этот момент, как бы услышав его, истребитель отсек «юнкерсу» хвост. Немецкий самолет был уничтожен.

После воздушного боя, через некоторое время, над взводом Кудряшова с грохотом взорвался шрапнель. Еще, потом еще...Настал черёд фугасок. Город горел.

Едва рассеялся дым над оборонной линией, как показались ряды немецкой пехоты. В окопах тихо. Будто не осталось в живых никого после артобстрела. Был приказ: без сигнала не стрелять. Враг уже близко. И тут в небо взлетела красная ракета. Тишина оборвалась. Шквал огня обрушился на

немцев. Враг отступил, оставив своих убитых и раненых лежать на земле.

Наступило затишье. Микулай обошел свой взвод. К счастью, все живы. Сержанту Хасиеву приказал обеспечить взвод боеприпасами, зажигательными бутылками.

Прошло не так много времени, опять начался артобстрел. Еще мощнее. После артобстрела впервые появились колонны тяжелых танков. За ними - пехота. Увидев это, Пудов положил перед собой бутылки с зажигательной смесью. Вокруг рвутся снаряды и мины. Дым, огонь, вздымается земля, дрожит воздух. По врагу тоже ведется непрерывный огонь. Вот один из танков, закужившись на месте, загорелся.

Немецкая пехота, не выдержав огня, отстала от танков и залегла. Только танки идут на окопы. Два танка уже совсем близко от окопов взвода Кудряшова. Микулай прицелился в иллюминатор танка, но в этот момент увидел, как Пудов выполз из окопа и, прячась за ивовыми кустами, быстро пополз к танку. В руках – бутылки с зажигательной смесью. Вот танк остановился и начал обстрел. Но не мог ожидать немецкий танкист, что есть в советской стране герои, которые пойдут один на один с танком.

Пудов поднялся и быстро бросил бутылки в танк. Они, ударившись о броню танка, разлетелись на огненные осколки. Огонь и дым накрыли танк. Развернувшись, пытаясь сбить огонь, танк помчался в сторону леса. Но он не успел уйти далеко, остановился и взорвался.

Другой танк уничтожил младший сержант Шишлов. Он, увидев, как пополз Пудов, тоже не выдержал. Так же взял в руки связку гранат, бутылки и пополз навстречу танку. Сполз в воронку от снаряда и стал ждать. Вот танк прополз над его головой. Это и было нужно Шишлову. Он, встав на колени, быстро бросил бутылку на радиатор танка. Огонь быстро охватил его. Попытался развернуться, но Шишлов бросил связку гранат. И танк закрутился на одном месте, а затем заглох.

Васюк в порыве радости вскочил на ноги и, позабыв об опасности, во все глаза смотрел на горящий танк. В этот момент обожгло руку. Смотрит - кровь. Но тут он увидел, как из танка выпрыгнули три танкиста. Шишлов,

невзирая на боль в руке, схватил винтовку. Все трое были уничтожены. «Что, Васюк, лежишь? Ждешь, когда вражеская пуля тебе в лоб прилетит?» - сказав себе так, он быстро пополз к окопам.

Там и тут горят танки, испуская черный дым. Тут опять поднялась пехота.

-Огонь! Огонь! - кричит старшина, бросая гранаты на подступивших немцев.

Командир роты Фадеев выбежал из траншеи. Вскинув пистолет, выстрелил в немецкого офицера.

-За Родину! Ур-р-а! - крикнул он и побежал навстречу немцам.

Услышав призыв командира, солдаты бросились в контратаку. Их ряды были редкими, но крик «Ура!» был слышен над звуком стрельбы. Началась рукопашная схватка. Только изредка слышны одиночные выстрелы и очереди автоматов. Враг, не выдержав натиска, побежал назад.

Однако, на левом фланге немцы оборону прорвали и подступили к Шяуляю. На правом фланге возникла угроза окружения. Со стороны командного пункта взлетели три зеленые ракеты. Сигнал к отступлению. Микулай и его взвод вернулись на свой участок.

Приказ: отступать.

...Микулай, свесив голову, молча шел со своим взводом.

- Опять отступать? - спросил он у догнавшего его капитана Фадеева.

- Сейчас пока так, родной.

Измученные без сна, уставшие в боях солдаты идут, пошатываясь, натыкаясь друг на друга.

Старшина не думает о сне. Временами, оборачиваясь, смотрит на Шяуляй, оставшийся позади. Над ним зарево. И болит душа у него, и голову он опускает все ниже.

...Рота шла всю ночь. Перед рассветом вошли в большой лес и здесь остановились.

-Привал!

Солдаты, расстелив шинели на мокрую от утренней росы траву, уже скоро крепко спали. Их сон охраняли караульные.

Как только не распевают птички ранним утром! Их разноголосый хор заполнил весь лес. Каждое утро они встречают пением. Только спящие солдаты их не слышат. Не разбудили их даже яркие лучи солнца, светящие в глаза.

Утренний покой нарушили три «мессершмита», с ревом пролетев в сторону Шяуляя.

- И эти найдут себе смерть, - произнес Микулай, глядя вслед самолетам.

Не спал и младший сержант Шишлов. Мучимый горькими мыслями, он лег рядом с Микулаем. Старшина отругал его. Сон для солдата сейчас - самое необходимое.

- Не спится, товарищ старшина. Как же так? На родной земле прячемся, даже вот спим в лесу, прячась. Эх, жизнь, жизнь. - вздохнул он. Воспоминания не давали ему спать.

Васюк за две недели до призыва женился. Пока он служил, родился сын. Так и не увидел он его. Жена Улюна у него ладненькая, красавица. Васюку вспомнился смешной случай сразу после женитьбы. Была у них старая деревянная кровать. И вот однажды, когда они с Улюной лежали, кровать с треском развалилась. А они распластались на полу. Они потом долго смеялись. За два дня Васюк смастерил новую кровать.

- Ты чего смеешься, спи, отдыхай, - строго сказал старшина.

- Смешной сон приснился, товарищ старшина, - ответил Васюк, накрываясь шинелью. Заныла раненая рука.

Пригревшись под солнечными лучами, Микулай и Васюк, наконец,

задремали.

Микулай Кудряшов родился за два года до Октябрьской революции. Детство у него было тяжелым. Отец до 1923 года батрачил у деревенского кулака Пахора Юманка. Эх, никогда не забудет он этого богатея. До сих пор перед глазами его издевательства в голодное время 1921 года.

Однажды, совсем обессилив от голода, Микулай и Максим, пошли на картофельное поле кулака Юманка. Оно было у речки. Сил от голода не было, еле дошли. Они откопали картофелины и здесь же, сырыми, съели несколько штук, несколько рассовали по карманам. Но тут увидели, как в их сторону едет на тарантасе Юманка. И упали плашмя между грядками. Но красную рубашку Максима было видно издалека. Вот лошадь остановилась. Куда "ворам" деваться? Сил бежать нет.

Юманка сначала схватил Максима, отхлестав плетью, привязал его к тарантасу. Затем настал черёд Микулая. От ударов плетью горело все тело. Юманка его также привязал к тарантасу. И, разъяренный, повез их в деревню. В деревне он опять плетью два-три раза прошелся по их спинам. Максим заплакал. Вслед за ним еще громче заплакал Микулай. Услышав шум, из домов начали выбегать сельчане. Женщины начали громко ругать Юманка. Тот от злости пришпорил лошадь и та резко рванула с места. Не удержавшись, Микулай и Максим упали на землю и волочились за лошадью. А Юманка даже ни разу не оглянулся.

Вот лошадь остановилась у лавки. Тут же стояли пять-шесть мужиков.

-Говори, что ты делал на моем поле? - ударил Юманка плетью Максима.

-Ай, ай! - заплакал Максим. - Картошку воровал!

Микулай встал на ноги. Колени, локти в кровавых ссадинах. С ног до головы в пыли. Увидев такое, инвалид гражданской войны Григорий Пакалай не выдержал. Из кармана достал раскладной нож и отрезал веревки с их рук. Затем с силой вырвал плетъ из рук Юманка и начал хлестать его.

- Вот тебе, толстопузый! Пьешь кровь у народа, как шершень! Хватит!

Хлестнул лошадь по крупу, и та понеслась галопом по деревне.

- Долго издевался, на тебя тоже найдется управа! Кровопийца! - потряс плетью вслед старый солдат.

...Отец, еле справляясь с хозяйством, начал брать восьмилетнего Микулая с собой на работу: то крышу покрыть, то покрасить. Научил сына чинить ведра. «Заступник растет, помощник» - радовался он, глядя с нежностью на своего единственного сына.

Еще он два года с отцом пас деревенское стадо. По утрам Микулаю не хотелось покидать теплую постель. Ведь так сладок сон утром.

- Вставай, сынок, отец уже на выгоне, - ласково будила его мать.

Как бы не хотелось, но вставать надо. Отцу одному не справиться со стадом. За селом сразу поля и скотина могла их вытоптать.

Годы шли. Микулай подрос, а рос он крепким. После семилетки отец решил, что дальше ему незачем учиться. «Кто будет помогать по хозяйству?» - сказал он. Уже и осень приближалась. Все его друзья будут учиться дальше, и Микулаю тоже не хотелось отставать от них.

- Мама, ну, пожалуйста, отпустите меня. Я хочу учиться. - умолял он.

- Ах, сынок, сынок, что скажет отец?

- Мама, я все равно пойду.

- Ах, сынок, сынок, неужели ты хочешь покинуть свой родной дом?

Пришло время, и отпустили-таки его родители учиться. Было нелегко, но Микулай, окончив педучилище, стал учителем. Теперь уж и отец был рад. "В нашем роду не было еще образованных. Теперь вот сын - учитель" - гордился он.

Пришло время, призвали его в Красную Армию. Той осенью его ученики проводили в армию. Его, рослого и крепкого, отправили служить на государственную границу.

На границе было неспокойно. Фашистская Германия напала на

Польшу. Микулай участвовал в боевых действиях при освобождении Западной Украины, также против белофиннов. Нелегкая солдатская дорога оставила свои отметины: в его черных кудрях поблескивала седина. Служба научила его быть наблюдательным, внимательным, подмечать любую мелочь. В трудные минуты он не пасовал. Его любимая поговорка: «Семь раз отмерь, один раз отрежь. Так будет надежнее».

Вот Микулай опять на войне - сражается с фашистами.

-Рота, подъем! - разбудил Микулая приказ.

Рига - красивый город. Несколько дней назад здесь еще кипела жизнь, а сейчас... Сейчас городские улицы опустели.

Вчера здесь рабочим раздали оружие, организовали полки и батальоны ополченцев. Сейчас они все защищают город.

Около полудня рота Фадеева для обороны города расположилась на берегу Двины. Враг наступал. Немецкие бомбардировщики группами летели на Ригу.

Три друга, Кудряшов, Хасиев и Пудов, вырыли окопы рядом, соединив их проходами.

Ночь прошла спокойно. Солдаты отдохнули, набрались сил. Впереди - река Двина, позади - город Рига.

Рано утром с левого берега, из леса, ударили пушки. Снаряды рвались везде. Огонь, дым закрыли небо.

По окопам передали, что немцы поднялись в атаку. Но из-за пепла и дыма ни противоположного берега, ни немцев не видно. Артобстрел закончился, дым чуть рассеялся. И все увидели, что немцы на понтонных лодках начали переправу. Град огня обрушился на них с оборонной линии. Лодки опрокидывались, немцы кто плыл назад, кто уходил на дно.

- Гранатами! - скомандовал Фадеев.

Переправа через Двину у немцев не удалась. Опять начался артобстрел. Казалось, что в живых не может остаться никого. Вода в реке будто кипела. Но оборона выстояла.

Ночью роту Фадеева перебросили в Ригу. Немцам удалось прорваться через оборону и сейчас бои шли в городе. Утром город оставили.

Псков. Старинный город. У него богатая история с древних времен. Сейчас город в опасности. Враг идет сюда.

Здесь из солдат, отступающих из разных мест, сформировали новые полки и батальоны. В городе оказалось немало танков, поскольку здесь находилось танковое училище. Здесь же дислоцировался девятый погранотряд.

Роту Фадеева пополнили пограничниками и преобразовали в разведроту при дивизии. Кудряшова назначили старшиной роты.

Микулай в роте провел ревизию обмундирования. Вечером в строю солдаты уже стояли во всем новом.

Поздно вечером старшина Кудряшов со дня начала войны написал первое письмо своей любимой. Любовь...Даже если рядом смерть, любовь не знает преград. Микулай так закончил свое письмо: «Валя, пока в пух и прах не разобьем проклятого врага, радости и счастья не будет, моя любимая, не будет».

Рано утром поступил приказ выступить в город N. Один батальон погранполка и разведрота капитана Фадеева погрузились в машины и выехали. За ними последовали три танка Т-28.

Уже темнело, когда черные тучи закрыли небо и пошел дождь. Поднялся сильный ветер. Грунтовую дорогу развезло. Машины еле шли, то и дело буксуя. И так до города.

Похоже, немцы, заняв город, отдыхали. К тому же, зарядил дождь. Не любит немецкий солдат такую погоду, ему бы где потеплее. Кто посмеет

помешать «самому сильному солдату в мире»?

Вернувшийся с разведки старшина Кудряшов доложил капитану Фадееву, что для нападения момент самый подходящий.

Немцы очухались, когда пограничники, ворвавшись в город, открыли огонь.

Их сопротивление было недолгим. Не выдержав атаки, оставшиеся побежали. Пограничники преследовали их до деревни, лежащей недалеко от реки Великая. Но здесь им навстречу выползли тяжелые танки. Откуда ни возьмись, появились бомбардировщики, сбрасывая бомбы. Немцы опять пошли в наступление. Силы были слишком неравны. Город N опять в руках гитлеровцев. Но это временно, все равно только временно! В этом Микулай не сомневался. Он не мог не заметить, что сила наших войск возрастает.

Рота Фадеева заняла оборонительную позицию с северной стороны большой деревни. Деревня безлюдна. Лишь кое-где остались старики. Собрав все силы, надо остановить врага. Враг идет на Ленинград.

К Фадееву подошла старушка.

- Немцы далеко, сынок? - спросила она. - И здесь вы их не остановите?

Капитан не знал, что ответить. Старушка, видимо, все поняла. Глубоко вздохнув, пошла по улице. «И здесь вы их не остановите?» Как ножом резанули капитана эти слова. Сев на пень, он склонил голову. Тяжело было на душе, и мысли были тяжелые. Вспомнилась жизнь до войны.

Кто он, капитан Фадеев? Сын бедняка. Отец, Павел Фадеевич Фадеев, продав свой ветхий дом и землю, еще до империалистической войны перебрался на жительство в Самару. Нанялся к купцу. Дети росли впроголодь. И мать до самой смерти была прислугой у богатых людей.

Павел Фадеевич Октябрьскую революцию принял с радостью, позже участвовал в гражданской войне. Только недолгая жизнь была с любимой женой; она, заболев тифом, рано ушла в могилу.

Лева с раннего детства трудился. Ведь росли еще три сестренки младше него. Отец, как бы не было трудно, старался его вывести в люди. Лева очень хотел стать военным. После рабфака окончил школу командиров. Женился на любимой девушке. В первый же день войны бомбардировщики сбросили бомбы на Таураген. В этот же день под бомбами погибла его семья: два сына-близнеца Коля и Толя и жена, Маруся. Фадеев не мог забыть их ни на минуту. Огонь можно потушить, но боль и горе ничем не приглушить.

Недалеко от деревни - широкая дорога. От нее слева - болото, справа - озеро. И кругом лес, лес. Без конца и края.

По приказу капитана Кудряшов с Шишловым пошли в разведку. День выдался прохладный. Низко, почти касаясь деревьев, повисли тучи. Закрапал мелкий дождь, земля сразу сделалась скользкой, разведчики промокли насквозь.

Пройдя десять-одиннадцать километров, разведчики дошли до опушки леса. Недалеко виднелась деревня. Перед ними - неубранное гороховое поле.

- Пудов, ты, кажется, из этих мест?

- Да, товарищ старшина.

- Ты знаешь ту деревню?

- Нет, здесь я не бывал.

- Деревня Недремаевка. В десяти километрах - Любань.

Тут же из деревни показались два мотоцикла с колясками. Едут в сторону разведчиков. Спрятавшись в густых кустарниках, разведчики быстро обсудили дальнейшие действия. А дождь все моросит и моросит.

Мотоциклы по раскисшей дороге движутся медленно. На каждом - по три солдата. В коляске - с пулеметом, который на заднем сиденье - автоматчик. На опушке они остановились. Соскочили с мотоциклов и принялись за горох. Слышно: «Эрбсен, эрбсен!». («Горох, горох!»).

Для разведчиков обстановка изменилась. Старшина пограничникам

приказал быть готовыми открыть огонь, а сам с Пудовым быстро рванул к мотоциклам.

- Хенде хох! - закричал Кудряшов. От неожиданности немцы встали, как истуканы. Один из них, спохватившись, поднял автомат, но Микулай успел выстрелить первым. Его мелкий выстрел сразил немца. Остальные дружно подняли руки.

Разведчики связали им руки и погрузили в мотоциклы. И тронулись к своим. Хоть дороги и размокли, они добрались довольно-таки быстро. Рота встретила разведчиков с криком «Ура!».

Отделение Нургали Хасиева расположилась на правом фланге участка. Остальные взводы - на левой стороне дороги, ведущей из Любани в Шапки.

Нургали родился и вырос в Казани. После семилетки пришел на завод, где трудился его отец. Выучившись на слесаря-наладчика, уже через год ему присвоили четвертый разряд. Его уже хотели направить на курсы бригадиров, как призвали в Красную Армию. И так он оказался на западной государственной границе. Уже три года сержант-пограничник на службе.

Нургали парень сильный. В борьбе любого уложит на лопатки. Только с Микулаем у них силы равные, друг другу не уступают. Правда, бывают моменты: то Микулай окажется в борьбе сверху, то Нургали уложит его на лопатки.

О мастерстве Нургали в этом деле Микулай узнал вот как. В один из дней, на занятиях, была команда отдыхать. Молодежь же, как говорится, силы некуда девать. Начали борьбу. Но один из них, крепкий, с широкими плечами, с мускулистыми руками, всех кладет под себя. Микулай, увидев это, подошел к Нургали. Подмигнув ему, сказал:

- Давай, родной, сразись с этим «Поддубным». Если ты не победишь, я попробую. Должны мы его победить. У него есть сила, но мало ума.

- Не получится у меня. товарищ старшина.

- Получится, не бойся.

Нургали вышел в середину круга.

- Со мной? - удивился этот силач-курсант.

- Да, - с вызовом ответил Нургали.

Два парня схватились. Даже командиры школы стали с интересом наблюдать за ними. Нургали, схватив парня за пояс, приподнял его, и, сделав один оборот вокруг себя, бросил парня спиной на пол. Все ахнули.

...Дождь шел всю ночь. Прояснилось только к утру.

Фадеев допросил «языков». У них, немцев, приказ: к полудню продвинуться до ближнего разъезда. А задача у роты: как можно дольше задержать врага.

Враг не заставил себя долго ждать: из-за леса выкатилась танкетка с белым крестом на башне. Преодолевая грязь, приближался. Наши два броневика одновременно выстрелили из пушек. Танкетка резко остановилась. Сначала показался небольшой язычок пламени, затем огонь и дым усилились. В конце концов огонь охватил всю машину. Внутри ее друг за другом взорвались снаряды.

Когда подтянулись основные вражеские силы, бой утих только к ночи. Утром опять началось наступление. Рота, не выдержав натиска, отступила в сторону Мга.

Отделение Хасиева от роты отстало. Во время боя его отсекли танки. Сейчас Хасиев, отступая, не знал, в каком направлении ушла их рота. Если идти в Саблино, дивизию еще можно догнать. Однако, это очень далеко. "Рота после выполнения задания уйдет в Мга" - говорил ему старшина. И Хасиев решил идти в этом направлении.

Перейдя шоссе Тосно-Шапки, в лесу отделение остановилось на отдых. На восемь человек - одна плащ-палатка.

Послышался гул машин. Хасиев и Паршин из зарослей стали наблюдать за дорогой: может, наши? Однако, из-за поворота выполз

тяжелый танк, на башне - белый крест. За ним - машины, крытые брезентом. Хасиев и Паршин прижались к земле. Машина за машиной, сколько же их? В каждой - солдаты. Слышно, как поют. Хасиев стиснул зубы. Эх, бросить бы пару гранат...И сам себя успокаивает: «Нельзя, Нургали».

Хасиев с Паршиным вернулись к остальным. Быстро собравшись, ушли вглубь леса.

Дождь лил, не переставая. Под ногами и в сапогах чавкала вода. Одежда у всех намокла, прилипла к телу. Быстро стемнело, ни луны, ни звезд. Отделение шло наугад. Ни дороги, ни тропинки. Так они шли долго. И вот вышли на тропинку.

- Эта тропинка нас обязательно куда-нибудь приведет, - обрадовался Хасиев.

Тропинка вывела на край леса. Недалеко силуэты домов. Деревня. Хасиев подозвал к себе Паршина.

- Мы с тобой пойдем в деревню. Надо узнать, есть ли там немцы. А вы нас ждите здесь, - сказал остальным Хасиев.

И они растворились в темноте.

В деревне ни звука. Хасиев и Паршин осторожно подошли к забору. Прислушались. Тихо. И в этот момент услышали негромкие голоса и, приглядевшись, увидели, как в их сторону двигаются две тени. Слова уже разборчивы.

-Вас? (Что?)

Немцы. В деревне - немцы...

Отделение опять углубилось в лес. Теперь они шли по тропинке, как по путеводной звезде. На поляне наугад повернули направо: может, Мга там?

Тут увидели стог сена и остановились.

- Утром будет виднее. Передохнем - предложил Хасиев.

Уставшие и промокшие солдаты как будто только этого и ждали. Быстро прорылись в сено и крепко уснули. Только караульный остался бодрствовать.

...Рассвело. Надоевший дождь, наконец, перестал. Тучи проплывали над головой уже отдельными кучами, между ними чуть проглядывала синева. Прояснялось.

Группа спешно собралась и тронулась в путь. По восходу солнца определили направление в Мга.

Впереди показалась железная дорога. Недалеко сторожевая будка. Пограничники двинулись в ее сторону. Вдруг из будки выскочил сторож и замахал шапкой, явно подавая какой-то знак. Пограничники подошли к старику.

- Здесь только что были немецкие разведчики. Уходите быстрее, - заторопил он их.

Пограничники не успели даже шага ступить, как над их головами засвистели пули. Пограничники открыли ответный огонь. Бой длился недолго. Побросав раненных и убитых, немцы ушли в лес.

До полудня отряд пограничников вошел на станцию Мга.

Мга - узловая станция. Стоят составы с эвакуированными из Ленинграда. Женщины, дети, старики ждут отправления в неизвестность. Плакали дети.

Вчера станцию бомбили. Везде груды кирпича и стекла. Вырванные столбы, раскиданные рельсы.

Вот длинный паровозный гудок оборвал тишину. Воздушная тревога! Люди высыпались из вагонов, побежали в разные стороны. Крики, плач утонули в свисте пуль, разрывах бомб и снарядов. После бомбардировщиков начался вражеский обстрел из дальнобойных орудий.

Пограничники задержались на станции. Слишком много было раненых, многим требовалась их помощь. Только через несколько часов они

добрались до своей роты. Это была радостная минута. Как будто и не было этого длинного марш-броска.

Под Синявино Микулай получил письмо от Вали. Первое письмо с начала войны, долгожданное письмо. До чего оно дорого на войне!

Провожая его в армию и вытирая платочком льющиеся слезы, Валя сказала:

- Сколько нужно, столько и буду ждать тебя, Коля.

Уже когда он садился в вагон, положила ему в карман этот платочек на память.

Вот сейчас от нее долгожданное письмо.

"Коля, ты сейчас как будто передо мной. Смотрю на твою фотографию из Гродно и разговариваю с тобой. От всей души желая тебе здоровья, пишу это письмо тебе, любимый Коля. Письмо, которое ты написал из Пскова, я получила. Ты все время в моих мыслях, и в снах я тебя вижу постоянно. Из твоего письма я вижу, что ты с врагом сражаешься доблестно. Береги себя.

Немного о деревенском житье-бытье. Здесь, можно сказать, мужчин и не осталось. Только старики и больные: Носов Энтрий, Макаров Хеветер, дед Марсих. Из молодежи - хромой Якку и Шакмаков Энтюк.

Недавно с войны вернулся Чуста Элюк. Пуля попала ему в стопу навывлет, теперь у него пальцы еле гнутся. Теперь Элюк работает в райпотребсоюзе. Говорят, женится на Керкусь Рине. В деревне он ведет себя как барин. Когда напьется, лучше не попадаться ему на глаза. Говорит всякую гадость.

Возвращайтесь скорее с победой, уничтожайте их, бешеных псов. Мы поможем из всех сил. Я связала тебе теплые рукавицы и носки.

Нам тоже нелегко, но все же здесь не убивают, пушки не стреляют, течет пот, а не кровь.

Бей фашистов, любимый мой, и возвращайся скорее с победой. Жду, всей душой жду тебя, незабвенный мой. Валя. 21 августа 1941 года».

Валино письмо уставшему в боях Микулаю придало сил, на душе стало радостнее.

Как-то раз Кудряшов, находясь с Пудовым на передней линии обороны, увидел у одного солдата снайперскую винтовку. Хотя, как оказалось, он сам и не снайпер. Кудряшов во время учебы в школе младших командиров всегда занимал первое место по стрельбе.

- Отдай мне эту винтовку, друг, в обмен на автомат ППШ, - предложил он солдату.

- Я согласен, товарищ старшина, автомат даже лучше.

Вернувшись в роту, старшина разобрал винтовку, смазал, собрал обратно. Номер винтовки - 505, сделана перед войной. Утром, когда рассвело, он проверил точность прицела. Все было в порядке.

- Отличная винтовка, - остался доволен Кудряшов.

- Товарищ старшина, а сможете попасть в спичечный коробок через сто метров? - подзадорил Пудов.

Пудов, сделав триста широких шагов, коробочку повесил на ветку дерева. Кудряшов прицелился и выстрелил. Коробочка разлетелась.

Теперь Кудряшов и Пудов каждый день ходили на "охоту". Каждый день - два-три убитых фрица.

Однажды немцы их все-таки "вычислили". Кудряшов с Пудовым окопались было на нейтральной полосе ближе к передней линии немцев. Три убитых немца было уже на счету, когда враги засекли их. Заухали пушки и минометы. Снаряды и мины взрывались вокруг окопа. Но снайперы остались целы и невредимы. Только вот не удалось им в этот день занять новую позицию и умножить свой счет. Когда стемнело, вернулись в роту.

1941 год. Ноябрь. Дожди, сырость остались в октябре. Слякоть скрыл глубокий снег. Ранняя зима. Блиндажи, окопы замело снегом, везде сугробы. На реке Волхов ледостав.

Немцы медленно, но наступают. Они уже рядом с Волховстроем. Всего лишь три километра до него. Там - ГЭС, артерия Ленинграда.

Капитан Фадеев скорбит, болит у него душа. Уничтожил его любимую семью ненавистный враг. Но война есть война, не время думать о себе.

"Хорошо, что в роте есть такие, как Кудряшов", - подумал он. С первой же встречи понравился он Фадееву, и с тех пор стал для него близким и родным человеком. Конечно, тяготы войны всех сближают, роднят, но Кудряшов для него ближе всех. Храбрый, смело смотрит в глаза смерти. Если бы у него спросили, за что он так ценит Кудряшова, он бы развел руками и пожал плечами. Не смог бы выразить свои искренние чувства словами.

Однажды у штаба дивизии Кудряшов встретил знакомого врача, капитана медицинской службы Тендрякова. До войны тот занимал должность главврача 105-го погранотряда.

- Старшина, ты ли это? Как у тебя дела? - обрадовался тот.

- Все нормально, товарищ капитан, спасибо.

- Ты где сейчас?

- Старшина разведроты.

- Молодец!

- А Вы, товарищ капитан?

- В медсанбате я. Главный врач.

Слово за слово. Есть что вспомнить, есть что рассказать бывшим однополчанам. Тендряков рассказал, кто остался в живых из погранотряда.

- Хоть бы краем глаза увидеть их, - со вздохом произнес старшина. - Так сказать, из одной ложки ели. Если не секрет, где сейчас ваш санбат?

- В Старой Ладоге. Будет время, приезжай.

- Товарищ капитан, вас вызывают! - слышался голос.

Капитан, пожав старшине руку, сказал:

- Как-нибудь приезжай. Мы же из одного погранотряда, родные...Знаешь, жена лейтенанта Гамаюна, Лиза, тоже у нас. Тебя часто вспоминает. Приезжай, найди время.

Ночью мороз стал крепче. Даже деревья, не выдержав, трескались. Снег под ногами скрипел так звонко, что его было слышно далеко. Ветра нет совсем. Из труб дым поднимался прямо, как свеча.

Микулай пошел к командиру роты. Фадеев, вытянувшись на скамейке, дымил папирсой. Увидев Кудряшова, быстро встал.

- Старшина, ты баню пропустил. Иди, помойся сейчас. Я ждал-ждал тебя, потом я один...

- Что помылись, это хорошо. Так можно и в гости. Есть приглашение.

- Куда?

- В медсанбат. Лиза тоже там, оказывается.

- Ну?

- Это так. Главврач сам пригласил. Из одного же отряда. Хороший человек.

- Давай, беги быстрее в баню.

Микулай, как бывало в деревне, поддал жару. И загуляли веники по телу. Еще поддал жару. Остальные, не выдержав горячего воздуха, выползли в предбанник. Кудряшов, разгоряченный, выбежал на улицу и нырнул в мягкий снег. Чуть остыв, оделся и поспешил к капитану.

Фадеев стоял, одетый с ног до головы в новое зимнее обмундирование,

которое выдали только вчера. Микулай еле его узнал. На нем белый полушубок, шапка, валенки. Никакой мороз не страшен. Микулай тоже оделся во все теплое.

Не прошло и полчаса, как Фадеев с Кудряшовым, добравшись на попутке, стояли у двухэтажного здания. На нем все еще висела вывеска "Детский дом № 26". В нем и разместился медсанбат.

Внизу их встретила дежурная медсестра.

- Кто вам нужен? - спросила она. Голос у нее был приятный.

- Гамаюн Елизавета Петровна. Передайте ей, что пришел старшина Кудряшов.

- Кудряшов? Какая красивая фамилия, - улыбнулась медсестра и зашла в палату.

И тут оттуда вышла высокая, статная женщина. Она одета была в синюю юбку, зеленую гимнастерку, синий берет, на ногах хромовые сапоги. На тонкой талии широкий ремень с портупеей. Две светлые косы аккуратно уложены на затылке. В первые минуты ни капитан, ни старшина не узнали ее. Наконец Кудряшов воскликнул:

- Лиза! - и сделал несколько шагов в ее сторону.

Услышав свое имя, Лиза остановилась и с удивлением посмотрела на двух мужчин, одетых в белые полушубки. Узнав в одном из них Кудряшова, подбежала к нему и обняла. На щеках он почувствовал ее горячие слезы.

- Ах, уже и не мечтала встретиться!

Потом она отошла от Кудряшова, поправила гимнастерку, волосы и вытерла слезы. И только тогда протянула руку капитану.

- Извините, не сразу узнала вас, - сказала она, улыбнувшись. - Кто вам сказал, что я здесь?

- Капитан Тендряков, - ответил старшина. - Очень хотелось тебя

увидеть.

- Я очень рада. Я тоже мечтала встретить своих, но не надеялась. Война же. Сегодня живы, а завтра...Давайте, проходите, поговорим.

И повела их в приемную комнату.

- Раздевайтесь, раздевайтесь. Будьте как дома. - ласково говорила она, помогая гостям раздеться. - Садитесь за стол. Сейчас принесу чай, с дороги будет в самый раз.

Извинившись, вышла из комнаты. Капитан со старшиной сели за стол. Через две-три минуты вошла Лиза, неся в руке коричневый чайник. Поставив его на старый журнал, достала из шкафа три стакана, хлеб, колбасу и стеклянную склянку со спиртом. Стала накрывать стол.

- Не стоило беспокоиться, - смутившись, сказал капитан. - Мы так, поговорить.

- Ладно вам. Так давно не виделись. Эх, жизнь, - успокаивая его, проговорила Лиза. В два стакана до половины налила спирт и доверху горячий чай.

- Я не буду, товарищ капитан, извините, до сих пор даже не пробовала, - с улыбкой сказала она. - Вам, мужчинам, немного можно. Ну, давайте!

Она подняла свой стакан с чаем и чокнулась с ними.

- Валя пишет? - спросила Лиза после недолгого молчания.

- Пишет. Очень переживает она за нас. Да и в колхозе нелегко.

- Это, конечно, так. Сейчас всем трудно, - вздохнула Лиза.

И завязался разговор. Вспомнили довоенное беспечное время, порадовались прорыву советских войск под Москвой. И о Ленинграде, который сейчас был в большой опасности.

- Не сдадим Ленинград. До последней крови будем биться, но не сдадим, - встав со стола, взволнованно начал прохаживаться по комнате Фадеев. - Сколько горя принесла эта война нашему народу. Не-е-т, отомстим

гадам.

- Где ваша семья, товарищ Фадеев? - спросила капитана Лиза.

Он присел на край стола, долго молчал.

- Нет больше у меня семьи. И жену, и двух сыновей-близнецов немецкая бомба...в первые же дни...- дрожащими руками капитан вытащил из портсигара папиросу и закурил. Затянувшись несколько раз, потушил об журнал.

В комнате надолго стало тихо. Ее нарушила Лиза. Она, как бы встряхнувшись, дрожащими руками налила в стакан оставшийся спирт, и, не разбавляя, одним глотком выпила его. И, закрыв руками лицо, зарыдала.

Немцы приближались к Волхову. Ленинград в блокаде. Еще в сентябре враг занял Шлиссельбургскую крепость. Только Ладога соединяла сейчас Ленинград с Родиной. И именно сюда стремились немцы, пытаясь взять в кольцо город Ленина.

Стало известно об окружении немецкими механизированными частями города Тихвин, расположенного в 80 километрах от Волхова. Сейчас враг двигался через село Глажево на железнодорожную станцию Войбокало. Капитан Фадеев и старшина изучили карту: из Глажево через лес - совхоз «Красный Октябрь», через два километра - село Шум, от него в полкилометре - Войбокало. Да, в большой беде Ленинград.

В полночь дивизия выступила на Войбокало. Подоспев вовремя, она перекрыла врагу дорогу, не пропустив его на станцию.

После полночи Кудряшов привел "языка". Ох, и повозился он с ним. Здоровяк попался, мастер спорта. И «дичь» крупная - обер-лейтенант.

До этого по приказу командования Кудряшов три дня изучил военную обстановку, вражескую передовую линию. Рядом с совхозом «Красный Октябрь» глубокий и обрывистый овраг, вдоль него тянется лес. Там и укрепились немцы. Старшина хорошо разглядел, где у них огневые точки,

расположение караульных постов на передней линии. Выявил блиндаж около полуразрушенного сарая, откуда враг вел наблюдение. Из амбразуры виднелся ствол пулемета.

Кудряшов, оценив обстановку, доложил Фадееву. Необходим был «язык». Вдвоем, сидя за картой, определили, как и где это лучше сделать. Если выйти к силосной башне и обойти его, то легко можно выйти в тыл блиндажа.

Выдалась подходящая для разведки ночь: сильно выюжило и было безлунно. Кудряшов, Хасиев и Пудов вышли на задание. Снежная крупа била в лицо. Взлетали ракеты, но их свет не мог пробиться сквозь снежную пелену. Иногда слышалась редкая пулеметная стрельба.

Разведчики медленно ползли к сараю. Вдруг наткнулись на веялку. Здесь они засели в засаду. Через каких-то полчаса они увидели, как два темных силуэта приближаются к сараю. Быстро распределили между собой действия.

Вот немцы уже у веялки. Первый что-то напевает под нос.

Короткий сигнал. Разведчики в белых маскхалатах кинулись на немцев. Кудряшов со всей силы прикладом ударил идущего сзади и тот, не издав ни звука, сполз на снег. Хасиеву с ходу не удалось свалить первого. Фриц оказался сильным, он подмял под себя Хасиева. Тут подоспели Кудряшов с Пудовым. Кудряшов ударил прикладом в плечо, а Пудов, бросившись в ноги, свалил его. Быстро связали руки и ноги, сунули в рот кляп и потащили к силосной башне.

- Так не годится, пусть идет сам, - сказал Кудряшов и срезал пуговицы на его штанах.

- Фу, воняет как псина, в штаны наложил. Развязывайте ему руки, не убежит, штаны будет поддерживать. Форвэртс! (Вперед!) - скомандовал Кудряшов.

- Готт, мин унс (Бог, не бросай), - пробормотал фриц и медленно засеменил.

Обер-лейтенант рассказал все, что знал об огневых точках. Разведчики нанесли их на карту.

К утру выюга стихла. Дивизия готовилась к наступлению. С рассветом наши пушки начали артобстрел. К ним присоединились и «катюши». Вражеская сторона была в огне. В небо поднялась ракета, и танки Т-34, поднимая грязь и снег, ринулись вперед. За ними поднялась пехота.

Враг не выдержал натиска наших частей и начал отступление. Разведрота ворвалась в горящий совхоз «Красный Октябрь». Отступая, немцы подожгли много домов.

Уже пробегая мимо последних домов поселка, Кудряшов из подвала услышал чей-то протяжный стон.

- Кто там?

- Родные, помогите, пожалуйста, - послышался женский голос.

Старшина спустился в подвал. От дыма запершило в горле. На полу везде лежали трупы.

- Где вы?

- Сюда, я не могу встать, меня ранило.

Кудряшов в темноте на полу нащупал женщину, поднял ее и вынес на улицу. Она оказалась молоденькой девушкой, лет восемнадцати-двадцати. От потери крови ее лицо побледнело, она тяжело дышала.

- Здесь вас было много людей?

- Много. Немцы перед уходом кого застрелили из автомата, кого взорвали гранатой.

Пограничники забинтовали ей раненую ногу.

- Мы так долго ждали вас, родные. Они вот не дождались. Из шестнадцати человек я одна осталась, - сквозь слезы проговорила она.

- Сестра, извини уж, нет времени сейчас у нас, надо гнать этих гадов.

Помни, мы отомстим за всех, - успокоил девушку Кудряшов.

- Спасибо вам.

- Отсюда недалеко деревня Шум, там наш медсанбат. Как-нибудь дойди, сестренка. Там тебе помогут.

Пограничники, переходя овраг, на дне увидели труп десяти-двенадцатилетнего мальчишки. Его светлые волнистые волосы шевелил ветер. Из раны в груди вытекала кровь.

«Проклятые! Люди ли вы? Змеи из змей» - с ненавистью думал Кудряшов, стоя над маленьким трупом. Затем, повернувшись к своим солдатам, закричал:

- Вперед, товарищи! Вперед!

Село Оломна. Здесь у немцев сильная позиция. На колокольне церкви и высоком берегу реки Оломны установлены пулеметы.

Разведрота капитана Фадеева в последние дни изрядно поредела. Пополнения пока не было. От начальника дивизионной разведки майора Курицына поступило новое задание: проникнуть на линию обороны немцев, уничтожить пулеметные точки, занять позицию и удержаться до прихода ударного батальона дивизии.

Командир роты Кудряшову вручил подарок начальника разведчасти:

- Вот тебе, старшина, снайперская винтовка и две коробки патронов к ней. Пользуйся только сам.

Кудряшов тщательно осмотрел винтовку, проверил боеспособность, выстрелив два-три раза: все в порядке. И для разведчиков, и для снайперов очень необходимая вещь.

На следующий день ранним утром старшина с Пудовым заняли наблюдательную позицию.

Там, где церковь, река Оломна с крутыми и высокими, до пяти

метров, берегами. Поэтому у немцев там не так много огневых точек. Основная их сила окопалась на более низком берегу.

Вернувшись в роту, Кудряшов обсудил с Фадеевым вопрос, как подняться на высокий берег.

- Для подъема нужны две пятиметровые лестницы, Поднявшись по ним, уничтожить пулеметную точку в церкви, захватить этот плацдарм и ждать ударный батальон, - высказал Кудряшов свое мнение.

- Хорошо, договорились. Тогда готовьтесь.

К ночи небо затянуло черными тучами. Темень. Первым по лестнице поднялся старшина. Притаившись под березами, прислушался к тишине. Ни звука. Подползли Хасиев с Пудовым. Кудряшов пополз дальше, к церкви. В маскхалате он слился со снегом, через пять-шесть метров он уже был незаметен. Когда Хасиев с Пудовым его догнали, он приказал им остаться на месте. Сам, готовый к любым неожиданностям, пополз к церкви, останавливаясь и прислушиваясь. Притаился за углом церкви.

Замерзший, укутанный в шаль немецкий часовой, постукивая нога об ногу, дошел до угла. Кудряшов прицелился ему в грудь и выстрелил. Глухой звук и немец, вытянувшись, упал на снег.

Хасиев с Пудовым проникли в церковь, быстро справились со спящими пулеметчиками.

Затем рота Фадеева с тыла атаковала береговые дзоты и для батальона путь был открыт. Он без звука вошел в село. Среди немцев началась паника, многие без боя сдались в плен. Лишь немногим удалось ускользнуть.

Во время этой атаки осколком разорвавшейся мины ранило старшину в плечо. Ребята сразу перевязали рану. Позже плечо разболелось, и пришлось идти в медсанбат.

Атака была стремительной, и враг не успел поджечь село. В центре села на небольшой площадке немцы устроили кладбище. Рядами стояли березовые кресты. На многих из них пробитые пулями железные каски.

Кудряшов в санроте пробыл ровно две недели. Когда в Оломну прибыл санбат, встретился с Лизой. Горе и военные тяготы наложили отпечаток на ее лицо, хотя она все еще была красива. Трудно было угадать в ней прежнюю улыбчивую, неусидчивую Лизу. Грустная, задумчивая, ее лицо редко озаряла улыбка. И Кудряшов старался не беречь ее раны.

- Как там поживает капитан Фадеев? - спросила однажды Лиза. -
Передай ему потом привет от меня...

Выздоровев, старшина вернулся в роту.

В декабре, в самые трескучие морозы, дивизия на Октябрьской железной дороге оказалась окруженной немцами. Силы были на исходе. Из штаба поступил приказ: разведроту перейти железную дорогу, из Оломны доставить в окруженную дивизию провизию и боеприпасы.

Разведрота выступила в Оломну. Дойдя до железной дороги, Хасиева и его ребят капитан отправил в разведку. Разведка вернулась быстро: немецкий пост только у моста.

Рота беспрепятственно перешла дорогу и быстрым шагом шла в Оломну. Настроение было приподнятое, шутили.

- Эх, затащимся махоркой в Оломне до посинения, - приговаривали заядливые курильщики.

- Супчику бы съесть целый котелок.

- Может, вам еще жареного барана?

- Я был бы не против ста граммов к баранине.

В Оломне рота разместилась для отдыха. В эту ночь у капитана Фадеева поднялась температура. Кудряшов, не сомкнув глаз, сидел около капитана, прикладывая к его горячему лбу влажный платок. Утром пошел в медсанбат за врачом. Врач, осмотрев капитана, попросил Кудряшова и Хасиева нести его в медсанбат. Фадеев в бреду звал жену Марусю, своих сыновей.

Разведчики занесли капитана в палату и уложили на койку. В это время вошла Лиза. Она положила на его лоб компресс, под села к изголовью.

- Ну как же так? - ласково сказала она, глядя его по волосам. - Потерпи, Лева. Все пройдет, выздоровеешь.

Фадеев медленно открыл глаза.

- Лиза, это ты? - полушепотом спросил он.

- Ну, вот, пришел в себя, - обрадовалась Лиза. - Я же говорила, что все будет хорошо.

- Как я здесь оказался?

- Вот эти...- на полуслове замолчала Лиза, еле узнав старшину и Хасиева в белых маскхалатах.

- Ой, Коля, Нургали! Это вы! Я не узнала вас.

- Не страшно. Вот товарищ капитан...

Микулай весь день провел в хозчасти дивизии. Разведчики сколотили из фанеры санки. Вечером караван с провизией, боеприпасами двинулся в 331-ю дивизию.

Потом еще три раза разведотряд проделал этот же путь.

Через неделю капитан Фадеев выздоровел. Его встретили Кудряшов с Пудовым. Лиза их проводила до окраины Оломны.

- Береги себя, Лева. Ну, совсем как ребенок, даже пуговицы не застегнул, - ласково приговаривая, она застегнула пуговицы на его полушубке. - Ладно, до встречи. До свидания. Будете в Оломне, обязательно заходите.

Кудряшов мельком взглянул на Фадеева и Лизу и облегченного выдохнул.

Командир роты через посыльного вызвал Микулая.

- Нам приказано разведать вражеские силы под Малиновкой и Кондуя, на дороге Малиновка-Погостье достать "языка", - коротко объяснил он. - В разведку пойдете вы, старшина.

Затем долго под светом лампы обсуждали и отмечали на карте, как это лучше сделать.

- Обратно по той же дороге возвращаться нельзя, враг может перекрыть ее. Сейчас не лето, на снегу останутся следы. Старайтесь замечать следы.

Кудряшов с собой хотел взять Шишлова, но Фадеев был против.

- Его не могу отпустить, он мне нужен здесь, - встал из-за стола капитан, - возьмите Хасиева и еще трех из его отделения. Этого будет достаточно.

Разведгруппа собралась выступить.

Стемнело. Над лесом полная луна. Разведчики по чащобе двинулись в сторону Малиновки. Снег мягкий, даже лыжи увязывали в нем. Впереди шел старшина, остальные за ним след в след. Только компас показывал сторону направления. Разведчику не положены ни карта, ни документы при себе.

До Малиновки всего семь-восемь километров, но разведчики шли обходными путями, поэтому дорога была намного длиннее. Время уже за полночь.

Под утро мороз стал сильнее, местность накрыл густой туман. Кудряшов объявил привал. Зажгли сухой спирт. Глотнули из фляжек по два-три глотка спирта и, так сказать, "заморили червячка".

- Однако вы жесткий человек, товарищ старшина, - не мог удержаться от смеха Хасиев. - Ну, что такое сто грамм? Сабантуй так сабантуй...

Отдых разведчикам придал сил и дальше они заскользили быстрее. Сквозь густые деревья начал пробиваться свет: начинается утро. Впереди показались трубы, из которых шел густой дым. Это землянки. Разведчики залегли. Кудряшов, подозвав к себе Хасиева и Пудова, отправил на задание.

- Хасиев, возьми у Пудова снайперскую винтовку, ему передай свой автомат. Винтовку применяй только при опасности.

Хасиев с Пудовым подползли к землянкам. Залегли и стали наблюдать. Из одной землянки выполз седобородый старик. Постоял, прислонившись к дереву, и, взяв охапку дров, снова скрылся в землянке. Вот из другой вышла женщина с ведрами и пошла сторону речки.

Разведчикам стало ясно, что эти люди скрываются в лесу от фашистов. Старшина дал знак остальным и пошел к землянкам. Из крайней землянки в это время выходила женщина и, увидев Микулая, быстро скрылась обратно.

- Немцы пришли! - слышался испуганный голос женщины из землянки.

Сразу же слышался крик, плач детей. Кудряшов, открыв полог, спустился в землянку.

- Ну, ну, успокойтесь. Мы не немцы, мы советские солдаты.

Женщина, не поверив, подняла на него испуганные глаза.

- Мы не немцы, почему не верите? - старшина стянул капюшон от маскхалата. Увидев на шапке красную звезду, женщина обняла Микулая и заплакала.

- Наши пришли, наши! - детвора пошла кричать по землянкам. Жители окружили разведчиков. Оказалось, они из Малиновки. Они еще летом выкопали здесь землянки. Теперь, когда немцы, отступая, пришли в Малиновку, они все сбежали сюда.

- Как Ленинград, Москва? Говорят, что их захватили немцы?

- Москва и Ленинград никогда не будут в руках врагов. Вот, читайте, - протянул старшина газету «Правда» женщине, которая назвалась Валентиной Михайловной. А та, схватив газету, от радости поцеловала ее.

- Это правда, родные мои. И Москва, и Ленинград врагу могут сниться только во сне. Вот газета из Москвы, напечатанная только три дня назад. Лгут немцы! Москва не сдалась! Не сдался и Ленинград! - радостно

воскликнула Валентина Михайловна.

Обрадованные «лесные» жители бросились угощать разведчиков горячей картошкой в чугунках, горячим чаем.

- Чем богаты, тем и угощаем. Не обессудьте, родные.

- Для себя же готовили, о нас не беспокойтесь, - пытались отказываться разведчики.

- Вы наши самые долгожданные, самые дорогие гости. Если не вас, то кого же еще угощать нам? Чем богаты...

- Малиновка далеко отсюда? - спросил у Валентины Михайловны Кудряшов.

- Десять-двенадцать километров.

- Много немцев там?

- Не так много. Штаб расположился в школе. В пустых домах - офицеры и солдаты. Деревенских жителей там осталось мало. Староста наш, деревенский, Судаков, будь он неладен. Стелется перед немцами.

- Как же Судаков до сих пор не рассказал немцам про вас?

- Боится...Ему партизаны передали письмо: "Если с жителей Малиновки упадет хоть один волос, помни, мы тебя повесим перед твоим же домом на колодце".

Туман рассеялся. Солнце осветило верхушки сосен. Разведчики, тепло попрощавшись с жителями землянок, тронулись в сторону Малиновки. Густой лес скрывал их. Тишину нарушали лишь редкие вскрики птиц. Вот белка, перепрыгивая с ветки на ветку, испуганно юркнула в дупло.

- Не бойся, красавица. Мы не тронем тебя. Живи, радуйся жизни, - проговорил Кудряшов.

Край леса. Перед разведчиками поле. Снег ослепляет глаза. В двух-трех километрах, в рассеивающемся уже тумане, видна Малиновка.

Разведчики уже два часа наблюдали за Малиновкой. К ней днем никак не пробраться. Вокруг нее открытые места. Любой неосторожный шаг может их выдать. Вдруг из деревни вышел парнишка и зашагал по проторенной немцами дороге в сторону Кондуя. Увидев его, Кудряшов с Пудовым поспешили к дороге, спрятались под вековыми соснами.

Парнишка приближался. На нем большой, не по росту тулуп, на ногах обмотанные портянками лапти. На голове рваная шапка. Через плечо висел полотняный мешок.

-Эй, братишка, иди-ка сюда, - позвал старшина.

Парнишка резко остановился.

- Зачем мне к вам? - спросил он. - Нет, не подойду.

- Иди сюда, глухой, что ли?

- Что вам нужно? Куски хлеба, которые я выпросил? Не отдам, не отдам! - и слезы потекли у него из глаз.

- Пойдем поглубже, поговорим там.

- Куда путь держишь? - спросил Кудряшов уже в чащобе.

- В Кондуя.

- Зачем?

- Побираться.

- Сам из какой деревни?

- Не все ли равно. Вот, хожу. Кто подаст, того и благодарю.

Парнишка с недоверием и страхом смотрел на Кудряшова. Кто знает, может какой-нибудь полицай. И таких он видел. Нельзя доверять каждому попавшемуся. Тогда старшина расстегнул маскхалат, и парнишка увидел красную звезду на шапке и погоны со знаками различия. Тут уж парнишка от радости зашмыгал носом - не смог удержаться от слез.

- Значит, наши! А я думал, немцы.

- Куда держишь путь? - улыбаясь, спросил Пудов. Затем ласково погладил парнишку по спине.

- К дядям.

- Кто они?

- Не скажу. Догадайтесь сами, - совсем уже осмелел парнишка. Кудряшов с Пудовым поняли, что он в Малиновке был по заданию партизан. Он рассказал, что в деревне немцев не так много, шесть танков, три из них - легкие. С северной стороны деревни под навесом одна дальнобойная пушка.

-Ладно, шагай, братишка. Иди, шагай, куда шел, - сказал старшина.

Парнишка вышел на дорогу и, посвистывая, пошел в сторону Кондуя.

Мороз к вечеру начал крепчать. Пронизывающий ветер гонит поземку. Зимний день короток, быстро стемнело. В деревне немцы утихомирились, свет в окнах погас. И разведчики подползли совсем близко к Малиновке. По улицам прохаживались патрульные; кто накрылся одеялом, кто - шалью. Вокруг школы – тоже патрульные. Здесь, похоже, действительно расположился штаб. От разведчиков не ускользнуло и место укрытия артбатарей.

- Эх, дать бы огня сейчас по этим проклятым фашистам, - прошептал Кудряшов Хасиеву. - Жалко, что нельзя.

«В деревне только караульный отряд при штабе, остальные, должно быть, на передней линии» - про себя подумал старшина.

Разведчики вернулись в лес. Шли быстрым шагом. Наконец вышли к речке, которая им и была нужна. Она течет между Малиновкой и Погостье и уходит в лес. Через три километра - Погостье. Оттуда останется пройти четыре километра и там уже наша оборонная линия. И вернуться надо с "языком".

Разведчики, окопавшись в снег, лежали уже более часа. Ждали. Наконец, из Малиновки выехала кухня. Лошадь едва тащилась. На санях -

два солдата. У одного в руках - вожжи, у другого - автомат.

- Который с автоматом - "язык", - шепотом дал знать старшина Хасиеву.

Немцы утеплились чем попало. Поверх сапог натянули вязаные из соломы "галоши". Их разведчики называют "гитлеровские валенки".

Кухня медленно приближалась.

- Ой, майн готт, ви ист калът дер руссише винтер, - сказал тот, что с вожжами.

- Я, я.

Старшина дал знак и две белые тени бросились к саням. Старшина одним ударом приклада оглушил "извозчика", а Хасиев одним рывком стащил второго с саней. Заткнув ему рот платком, быстро потащили в лес. Оставив "языка" с Пудовым, остальные, вернувшись к саням, быстро наполнили мешки буханками хлеба и бутылками с ромом.

Долго ждал Микулай вестей от Вали. Эх, письма, письма...Отчего же с такой тоской ждет их солдат на войне? Очень дороги они для фронтовика. Их настоящую цену знает только солдат на поле войны. Ждет писем между боями или читает их, пока не выучит каждое слово, и все равно вытащит его из нагрудного кармана и читает вновь и вновь, вздыхая. А если уж в конверте фотокарточка любимой девушки или жены, или детей, то солдат, не отнимая от них взгляда, разговаривает с ними. Это самые радостные минуты для солдата.

В дивизию, окруженную врагами, письма приходили с большим опозданием. Сегодня наконец-то Микулай получил долгожданное письмо. Такая радость для старшины!

"Мой незабвенный Коля. Тебе, твоим друзьям от всего сердца желая здоровья, пишу это письмо. Нынче зима морозная, наверное, мерзнешь. Я тебе связала носки и рукавицы, отправила посылку. Дошла ли она до тебя,

любимый мой, не знаю. Твое письмо получила. На току я его прочитала всем, надеюсь, ты не обидишься. Гордятся тобой, говорят, что ты сражаешься храбро, не срамишь свою деревню. Все передают привет, желают тебе вернуться живым и здоровым. Пусть моя любовь бережет тебя от вражеских пуль, любимый. Ты мое счастье, ты моя жизнь. Сейчас у нас сорокоградусные морозы. Мы, несмотря на холода-морозы, работаем. Вам, защитникам любимой Родины, стараемся дать больше хлеба, чтобы у вас было еще больше сил сражаться с врагом.

До свидания. Не обижайся за короткое письмо. В другой раз, когда будет больше времени, напишу длиной с портянку. Хорошо, любимый? Любящая тебя Валя"

Письмо, хоть и было коротким, успокоило тоскующее сердце Микулая, он повеселел.

Думы, солдатские думы... В одно мгновение они, посадив Микулая на свои крылья, перенесли в родную деревню Хуранвар. Все, все перед глазами. Но больше всех - его любимая Валя.

Микулай, аккуратно сложив письмо, вложил в блокнот рядом с Валиной фотокарточкой. Прежде долго с любовью смотрел на ее фотокарточку, мыслями опять оказался рядом с любимой девушкой. "Эх, голубка моя, как же ты далеко, как далеко" - вздохнул он.

Еще до призыва его в армию вокруг Вали кружились парни из соседней деревни. Видя, как они пытаются за ней ухаживать, Микулай страдал. Однажды он чуть было не остался без Вали.

Был летний, ясный поздний вечер. Молодая луна купалась в озере. Когда Микулай дошел до Валиного дома, она спряталась над тучами. Они, черные, тяжелые, быстро накрыли все небо. Темноту прорезала молния, следом грохотал гром. И начался ливень. Улица быстро наполнилась водой, с шумом стекала на нижнюю улицу. Куда идти? Вали нет. Она всегда ждала его здесь. Микулай затревожился, сердце забилося, почувствовав неладное. Хорошо хоть, в такую погоду ему встретилась жена Шаркусь Энтри, Тякка. Она и рассказала, где Валя.

Оказалось, что, когда стемнело, к Теверен Элексантор из деревни Макаровка на сморины приехал Панук, сын Качака Нярки. Валю с подружкой Машук обманом привели к ним.

Услышав такие недобрые вести, Микулай поспешил к Теверен. Все двери были заперты. Окна темные, в доме ни звука. Только молния изредка освещает дом. Дождь все еще лил, не переставая. Микулай зашел в палисадник и тихо постучал в окно. Окно распахнулось и в нем показалось Валино лицо.

- Дайте воды, девушка, пить хочется, - как бы шутя сказал Микулай.

- Панук, принеси ковшик с водой из задней комнаты, - сказала Валя.

Едва Панук вышел из комнаты, Валя тотчас из открытого окна прыгнула в объятия Микулая.

- Не выпускает, шуйтан. Я думала, он приехал за Машук. А он, оказалось, хочет увезти меня...Насильно хочет увезти, - с возмущением рассказала Валя. - Все думала, как дать знать тебе. Очень ждала тебя, наревелась.

Когда Панук пришел с ковшиком воды, Микулай и Валя уже сидели на крыльце Керки Палюка.

Панук в темной комнате посмотрел туда-сюда. «Валя, Валя, ты где? Не шути», - зажигая спички, во все глаза смотрел он. Но в комнате стояла тишина. Затем он подошел к открытому окну. Только тогда он понял, что случилось. Со злостью выплеснув воду из окна, с силой захлопнул его.

- Ты что, старшина, задумался? - присел рядом с Микулаем Фадеев.

- Из дома письмо получил. Вот, вспомнилось довоенное время, - убрал свой блокнотик в нагрудной карман старшина.

- Послушай-ка, Микола, не сходишь со мной сегодня в медсанбат? Пригласили.

Наедине Фадеев старшину часто называл просто по имени, Миколой.

- Лиза?

Капитан кивнул головой.

Микулай не мог не заметить, что после медсанбата капитан и Лиза сблизились. Командир роты часто тепло вспоминал Лизу.

...К вечеру они добрались до Оломны. Лиза с одной медсестрой снимали угол. У Лизы сегодня ночная смена. А сейчас она, принарядившись, ждала гостей.

Услышав шаги за дверью, она выбежала им навстречу. То ли от волнения, у нее лицо покраснелось.

Микулай искоса посмотрел на капитана. Тот сегодня сбрил бороду и стал очень похож на лейтенанта Гамаюна. Может, поэтому Лизины плечи вздрогнули и глаза наполнились слезами. И они, как бусины, скатились с ее длинных ресниц.

Капитан поставил на стол поллитровую бутылку. Лиза смутилась.

- Лева, нужно ли это?

Старшина тоже достал трофейный ром и колбасу.

- Ха! Какой ты богатый, старшина! Не ожидал. - засмеялся капитан.

После одной рюмки Лиза похорошела. Ее влажные голубые глаза часто встречались со взглядом черных глаз Фадеева. Они объясняли все без слов.

Лиза никогда не думала, что после Миши она сможет полюбить другого мужчину. Только Миша был в ее сердце. Вот теперь - Лева. Бывает же в жизни такое. Он лицом, голосом, улыбкой, телосложением, да и характером напоминал Мишу, становился все ближе и роднее.

В восемь вечера Лизина подруга, сестра, собралась на дежурство, стала прощаться с гостями. Микулай, решив оставить капитана и Лизу наедине, вызвался проводить медсестру до медсанбата.

- Подождите, нехорошо Вас одну отправлять. Давай, провожу. - сказал старшина, надевая полушубок. И вышел.

- Лиза, - сказал капитан, сильно сжав ее руки, - прости меня, но я не могу больше скрывать свои чувства. Я люблю тебя. Говорю, как есть. У нас с тобой одинаковая судьба, Лиза, может, и счастье будет одно на двоих.

- Ах, жизнь, жизнь...- вздохнула Лиза. Затем закрыла руками лицо, положила голову на стол и ее плечи мелко-мелко затряслись. Фадеев обнял ее и стал нежно гладить по светлым волосам, спине и плечам. Лиза через несколько минут подняла голову, вытерла мокрое лицо и поправила волосы.

Потом они долго сидели молча, слов не было. Только смотрели друг другу в глаза, в их взглядах отражались и надежда, и любовь. Но между ними сейчас проклятая и страшная война...

Вот и солнце стало выше. Снег стал плотнее. В лесу стало оживленнее. Весна.

Кудряшов с Пудовым на передней линии два дня с утра до вечера наблюдали за вражеской позицией. На третий день началась настоящая "охота".

Рассеяв темноту, наступало утро. Вдруг в просвете между деревьями показались два солдата с термосами в руках. Старшина из снайперской винтовки раз за разом выстрелил, немцы упали. Скоро около них остановился другой солдат, и он также свалился от меткого выстрела старшины.

Весь день пригревало солнце. К вечеру в окопе стала накапливаться талая вода. Рядом, в каких-то ста метрах, немцы, даже не шевельнуться. А в окопе воды все больше.

- Здесь уже невозможно лежать, товарищ старшина. Давайте к своим, - сказал посиневший от холода Пудов.

- Нет, Георгий, будем терпеть до темноты. Скоро уже стемнеет.

Снайперы продержались до темноты. Им удалось уничтожить еще одного немца.

Весна вовсю вступила в свои права. Ее ароматный, сладкий запах кружил голову.

У Кудряшова и Пудова с каждым днем счет уничтоженных фашистов рос, их было уже пятьдесят. Фотографии снайперов напечатали во «Фронтowej газете». Вдоль фронтовой дороги красовались фанерные листы с надписью: «Слава Кудряшову и Пудову, истребившим десятки фашистов!»

Кудряшов с Пудовым вернулись с задания в роту, когда в небе уже заблестели звезды. По пути к командиру роты им встретился старшина Аваськин.

- Здравствуй, Саша, - тепло поздоровался Микулай.

- Не Саша, а товарищ лейтенант, - ответил тот с прохладцей в голосе.

- Извините, товарищ младший лейтенант, - проговорил старшина.

Капитан долго сидел над картой, на которой старшина сделал отметки.

- Хорошо. Сейчас же доложу в разведчасть дивизии. Вот еще что, старшина. Приказано добыть "языка". Пять дней на наблюдение. Завтра с рассветом выступайте. Об этом я дал знать младшему лейтенанту Аваськину. На задание идете трое. Каждый день, по возвращении, обсудим. Где, по-твоему, лучше начать наблюдение?

- С правого фланга, на стыке двух дивизий.

- Хорошо. Но запомни, в этот раз нельзя поднимать шум, никакой стрельбы.

В этот вечер комсомольская организация дала рекомендацию для принятия Кудряшова в ряды Коммунистической партии.

Пять дней прошли быстро и без ЧП.

В Синявино у немцев окопов нет. Из-за болота моментально проступала вода. Дозор вышагивал по чавкающей под ногами тропинке. Со слов дивизионных саперов, здесь много мин.

Два года здесь уже не добывался торф, болото заросло камышом и

осокой. Патруль здесь проходил через каждые полчаса. Об этом Кудряшов вечером доложил капитану на «летучке».

Группа Кудряшова задание выполнила. Настал черёд разведчиков младшего лейтенанта Аваськина. Санька за эти дни сильно похудел, не мог ни спать, ни есть. В его голове была только одна мысль: как вообще уйти из разведки. Даже думал о побеге в сторону немцев. Перейти линию обороны сейчас не сложно, но...там кругом мины, наступишь - смерть. Об этом он знал хорошо. И немцы, говорят, вокруг себя поставили мин. Если даже удастся обойти свои мины, можно нарваться на вражеские. Это опять смерть.

На «летучке» Санька не смог доложить свой план.

- Я в разведке не так давно, еще не все знаю, извините меня, товарищи,
- лишь смог он сказать.

Начальник разведчасти штаба дивизии майор Курицын, изучив внимательно рапорт Кудряшова, пока не принял окончательного решения

- Сообщу, как только переговорю с начальником штаба дивизии, - сказал он.

На следующий день, после полудня, Кудряшова приняли в ряды Коммунистической партии и вручили медаль «За отвагу».

На войне трусу и муха кажется слонем. Младшему лейтенанту Аваськину за каждым кустом мерещился ствол автомата. Ведь в любой момент пуля, выпущенная из него, может Саньке попасть в лоб. Прощай, тогда, жизнь. Нет, Аваськин не хотел умирать, как многие другие. "Я не хочу умирать, пусть Кудряшов, Пудов умирают" - кричал его страх внутри.

Пора выступать на "охоту".

- Вы, младший лейтенант Аваськин, идете с группой за "языком". Группа Хасиева будет вас прикрывать, - уточнил капитан Фадеев накануне.

Минеры-саперы "охотникам" открыли дорогу, после чего Шишлов со своей группой справился с заграждением из проволоки в три ряда. Им в помощь были темная ночь и сильный ветер.

Впереди - младший сержант Шишлов, за ним - Паршин, затем - Аvasькин. Остальные разведчики - чуть сзади. Санька полз и думал только о том, как бы остаться в живых. Шептал, как молитву: «Боже, спаси меня, прости меня. Если я виноват перед тобой, прости меня, боже». И, забыв об осторожности, громко закашлял.

Тотчас хлопнуло, и взлетела ракета, осветив все вокруг. У Аvasькина от страха бешено заколотилось сердце. И он, вскочив на ноги, побежал назад. С немецкой стороны застучали пулеметы. На бегу Санька выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в левую ладонь. И побежал дальше, спотыкаясь.

Шишлов и Паршин, отстреливаясь, поползли назад. Когда уже отошли почти на безопасное расстояние, Шишлов Васюк внезапно упал на землю, из раны на виске пульсировала кровь. Паршин водрузил его на спину и пополз. Но он не успел отползти далеко, как вражеская пуля ранила его насмерть. Аvasькин в это время думал только о себе, и радовался, что он, только он, остался в живых.

- Младший лейтенант Аvasькин ранен. Мы перевязали ему руку, - сообщили сержанту Хасиеву солдаты с передней линии.

- Тяжело?

- Нет, в ладонь. Кости не задеты, ничего страшного.

- Мы его ищем здесь. А он вон где. Он забыл, что он старший по разведке? - сердито сказал Хасиев.

Погибших товарищей перенесли в свою позицию и положили их рядом друг с другом. Разведчики собрались у их останков и, сняв пилотки, стояли молча. Бесстрашные патриоты лежали бездыханно. Их сердца перестали биться.

В это время Аvasькин бежал в санроту. "Спасся, живой" - радостно думал он.

Молоденькая сестра смазала его ладонь йодом и забинтовала. Велела идти в палату.

- Вы мне дайте направление в санбат, - попросил Аваськин.

- Без врача не могу. Только завтра.

- Пожалуйста, дорогая сестра...

- Ладно, должно быть где-то с подписью врача. - сестра из ящика стола достала лист бумаги и выписала направление в санбат.

Где шагом, где бегом Аваськин добрался до санбата.

Врач внимательно осмотрел его рану. "Сомнительная рана" - подумал он про себя.

- Младший лейтенант?

- Да, доктор.

- Когда, где ранили?

- Вчера вечером, в разведке.

Услышав его слова, Лиза вздрогнула.

- Ладно, пока отдыхайте. Лиза, отведите младшего лейтенанта в шестую палату! - скомандовал врач сестре.

Лиза у Аваськина начала расспрашивать о капитане Фадееве и его товарищах, но тот от ответа уклонился.

«Еле спасся. Спасибо тебе, боже. Скорее бы попасть в тыловой госпиталь. Помоги мне, всевышний». - шептал он все время.

Рота простилась с погибшими друзьями и похоронила их в братской могиле. Прощаясь с ними, Кудряшов не смог сдержать слез. Они с младшим сержантом Шишловым и Паршиным защищали границу Родины, вместе с тяжелыми боями отступали под Ленинград. С ними Микулай делил пополам радости и беды, тяготы войны. Они всегда были вместе.

Через неделю Аваськин предстал перед военным трибуналом. Суд, учитывая его молодость и искреннее раскаяние, разжаловал в солдаты и для искупления вины отправил в штрафную роту.

Даже в огне войны человек думает о жизни, а не о смерти. Как бы ни была тяжела солдатская доля, каждый день, шагая рядом со смертью, он все равно мечтает о будущем.

Шишлов тоже мечтал вернуться в свой дом живым и здоровым. «Очень ждет меня Улюна, да и сын тоже. Вот она прислала рисунок ладошек сына. «Здорово, отец», - будто говорит эта ручка сына» - радовался Васюк, показывая письмо Улюны.

Только еще вчера был Шишлов, а сегодня его нет. Кто знает, может, у Микулая тоже дни сочтены. Эх, Аваськин, Аваськин. Каким же ты подлым человеком оказался. Какого черта занесло его в роту, его трусость погубила все дело. Командира роты - капитана Фадеева, Микулай ведь с самого начала предупреждал о нем, но тот Аваськина решил проверить в деле. И вот сегодня ему придется держать ответ перед партийной организацией. Не погладят по голове, не спишут на войну гибель двух храбрых разведчиков. Ведь это два сердца, две жизни.

Старшина Кудряшов не раз оказывался рядом со смертью. Или смерть рядом с ним? Он полз вперед, а пуля прошила навывлет его ранец, не задев его. Было и так: пуля, просвистев перед носом, разнесла диск автомата.

И правда, иногда Микулай и сам удивлялся. Внутреннее чутье его часто предупреждало: "Прижми голову. Ложись под тем кустом. Пригнись. Отползай отсюда". И его обходили пули и осколки.

Было еще такое с ним. Вырыв себе ячейку, он приступил к наблюдению. В это время внутренний голос дал команду: "Уходи отсюда быстрее! Берегись!". Он отполз и окопался в другом месте. И вовремя. Мокрое место осталось бы от него от взорвавшейся мины.

Какими словами теперь успокоить Улюну? Как будет расти сын без отца?

Такими словами рая свое сердце, Микулай пошел на партийное собрание. Перед этим ночью он не сомкнул глаз, боль сжигала его сердце.

- Эх, Аваськин, Аваськин! - который раз в сердцах произносил Микулай. - Что бы сказала твоя мать, если бы встала из могилы?

...Жена Аваськина Ивана - Плаки - рожала одних девочек. Дочь за дочкой...А Иван каждый раз ждал сына. И ругал он жену, и руку поднимал. "Кому оставляю свое богатство, будущим зятям, что ли? Мне сын, сын нужен! - говорил он. Даже к гадалкам ходил. Плаки в церкви ставила свечи Божьей Матери, молилась, просила сына.

Наконец, ее мольбы были услышаны. Однажды в доме Аваськина Ивана зашелся плачем родившийся сын. Повитухе, принявшей у его жены роды, Иван на радостях подарил рабочую лошадь.

Зря Иван не был рад дочерям. Через некоторое время после рождения сына его дочери одна за другой умерли. Только сын остался, самый любимый. Отец с матерью баловали его, гордились. «Вырастишь, будешь уважаемым человеком» - говорили они. А Санька со своими сверстниками вел себя надменно, ни во что их не ставил.

С такими мыслями Кудряшов дошел до командного пункта. Сидя под развесистой елью, курили Фадеев и Хасиев. Микулай подошел к ним. Под елью прохладно, пахнет смолой.

- Как же так получилось, старшина? Мне казалось, что Аваськин порядочный человек, - вымолвил капитан

- Уже ничего не воротить, товарищ капитан.

- Коммунисты, заходите в дом, собрание начинаем, - крикнул кто-то.

Войдя с улицы, с яркого света, в полутемной комнате Кудряшов не сразу разглядел собравшихся. Потом увидел начальника политчасти подполковника Тимошенко, майора Курицына, начальника отдельной части дивизии майора Кузнецова и еще двух незнакомых лейтенантов. Всего собралось около двадцати членов партии. В повестке дня один вопрос: случившееся ЧП в разведроте.

Вину в провале разведки и потере двух бойцов полностью возложили на капитана Фадеева. О самом Аваськине почти не говорили. Хотя

собравшиеся и говорили о Фадееве только хорошее, не умаляя его смелость, храбрость, уважение подчиненных, но и не оправдывая его за случившееся, вынесли выговор.

- Правильно высказали товарищи, в дальнейшем буду бдительнее, - сказал, тяжело вздохнув капитан Фадеев, по пути в разведроту. - Близок локоть да не укусишь.

- Что уж теперь, товарищ капитан, что случилось, то случилось. Ветер не всегда дует в ту сторону, в какую мы хотим.

- Так, товарищ старшина, все так. Это в дальнейшем для меня будет хорошей наукой.

Прибывший из разведчасти дивизии посыльный передал, что капитан Фадеев и Кудряшов должны прибыть к майору Курицыну.

Фадеев и Кудряшов, войдя в здание разведчасти, доложили о своем прибытии. Они застали майора Курицына и подполковника Кашкадамова сидящими за картой. Совещание началось. Курицын расспросил Кудряшова о результатах наблюдения под Синявино.

- Здесь враг от нас находится в двух километрах. Место болотистое. Конечно, немцы нас отсюда не ждут. Хотя по болотам и трудно, но в разведку придется выступить именно этой дорогой. Завтра, товарищ капитан, еще раз понаблюдайте за этим местом и готовьтесь к «охоте». Требуется штаб. О выполнении задания доложите мне сразу, - в завершение сказал подполковник Кашкадамов.

В доме, где разместились разведгруппа, горела лампа из масленки, еле рассеивая темноту. Разговор между разведчиками идет об осторожности. Кудряшов рассказывал товарищам о разных случаях.

- Помнишь, Пудов, разведку под деревней Глажево? Чуть не попали мы тогда в руки немцев.

- Расскажите поподробнее об этом, товарищ старшина, - попросили его

новички-разведчики.

- Это случилось в конце сентября прошлого года. Помню, как сейчас, - начал старшина. - Двое суток не переставая шел дождь. Как только он чуть стих, поступил приказ. Перед нами стояла задача: каковы вражеские силы под деревней Андреевка.

Вышли мы в дорогу. Темно, хоть глаз выколи. Оказалось, в Андреевке немцы скопили большие силы. Танки, бронетранспортеры, тягачи с пушками в боевой готовности. Перед каждым домом - грузовые машины под брезентом. Оккупантов полная деревня.

Вдруг налетели наши ночные бомбардировщики с заглушенными моторами. На деревню полетели бомбы. Машины горят, немцы бегут как суматошные. Мы тоже, воспользовавшись моментом, по немцам открыли огонь. Затем потихоньку ушли. Вышли на дорогу между Андреевкой и Глажево. Видим, вдалеке из стороны Глажево идет группа людей. Кто мог быть между двумя дивизиями? Я, подумав, что это разведчики из соседней дивизии, иду им навстречу. Смотрю - и глаза полезли у меня на лоб: передо мной, в очках, немецкий офицер. Я мгновенно отскочил назад. «Немцы» - кричу я и открываю огонь из автомата. Разведчики тут как тут, в ход пошли гранаты. Ни одного немца не оставили в живых. Вот так учит разведчика война быть бдительным и внимательным.

Жизнь военного разведчика такова: наблюдение и достать «языка». Каждый его шаг сопряжен с опасностью. Вот и сегодня капитану Фадееву из разведчасти дивизии поступил приказ: достать «языка». Это должен быть офицер из штаба или офицер-артиллерист - дал знать капитан разведчикам на "летучке".

- Вот это задача! - даже присвистнул старшина.

- Слушайте, значит, кто что должен делать. - продолжил командир роты. - К заданию подготовить шесть человек. Еще старшина и я, нас будет восемь. С нами идут еще два сапера. Они к нам придут завтра. Всего нас будет десять человек.

Когда на болото спустился густой туман, разведчики приступили к выполнению задания.

Впереди шли старшина и Пудов. Вот они вышли на дорогу, протоптанную немецким дозором. Быстро перебежав ее, разведчики через метров двести уже были в густом лесу. Будто тяжело вздыхая, шумели деревья.

От дозорных поступил сигнал об опасности, и разведчики залегли. Старшина с Пудовым тоже спрятались за деревьями. К группе, очень осторожно, оглядываясь по сторонам, приближались двое. На них была рваная одежда. Вот они совсем уже близко. Один из них обернулся и махнул три раза рукой, показывая вперед. «Сзади кто-то еще есть», - подумал Микулай, внимательно следя за каждым шагом этих бородатых людей. «Похоже, что это наши» - прошептал про себя Микулай, увидев на шапке одного из них красную звезду. Но разведчики, соблюдая осторожность, себя не выдавали.

Как только эти неизвестные люди сравнялись, старшина шепотом скомандовал: «Стоять!». И, нацелившись автоматом, приказал поднять руки. Бородатые люди, опешив от неожиданности, подняли руки. Поняв, что это свои, один из бородатых радостно воскликнул: «Свои мы!». Все кинулись обнимать разведчиков, слезы радости заблестели в их глазах.

Оказалось, старший политрук Сомов и еще двадцать три солдата шли от Любани к линии фронта, прорвавшись из окружения.

Разведчики угостили их тем, что есть. Старший политрук Сомов, узнав о цели их похода, вытащил из планшета карту и показал свои отметки, какие он делал по пути.

- Артбатарей вот здесь, на опушке леса в трех километрах от станции Погостье. Там же, в домах, рядом, устроились их расчеты.

- Спасибо, товарищ старший политрук. Нам надо дальше, время поджимает. Я вам дам проводника, он вас доведет до наших.

Один из солдат пожелал присоединиться к разведчикам.

-Товарищ капитан, я рядовой Шевелев. Знаю, где немецкая батарея. Возьмите меня с собой, - попросился он.

- Я не против, но что скажет старший политрук?

- Пусть идет. Хороший парень.

Группа капитана Фадеева до станции Погостье дошла только к вечеру. Капитан объявил привал.

Шевелев оказался очень сообразительным парнем. Разведчиков под Погостье он привел без компаса. И характер у него был открытый, приветливый.

Утром, едва открыв глаза, Микулай увидел на высокой сосне сороку, похожую на старушку в черном платке. Сорока поправила клювом свои перья и, каркнув, улетела. «Похоже, недалеко деревня. Сороки не любят улетать далеко», - подумал старшина, наблюдая за её полетом.

Разведчики, привыкшие к быстрым сборам, построившись по двое, засветло бесшумно двинулись в путь.

Расчеты вражеской батареи разместились в двух землянках рядом друг с другом. Около них и пушек по одному солдату в охране, которые менялись каждые четыре часа. Весь день немецкие артиллеристы по приказу офицера меняли прицелы, чистили пушки. Когда стемнело, остались только караульные.

Землянку с левой стороны разведчики обозначили как «А», а с правой – «Б». Командир батареи, офицер, в левой землянке, а фельдфебель - в правой.

Вот сменился караул. Кудряшов посмотрел на свои ручные часы: ровно полночь. Разведчикам ждать еще час, пока караульные, сдавшие свой пост, не заснут. От батареи в трехстах-четырехстах метрах, у дороги Кондуя-Погосте, разместилась вражеская хозчасть. Там дымили кухни, слышалось ржание лошадей, виднелись темные силуэты домов.

Капитан с Кудряшовым договорились так: старшина бесшумно

убирает караульного, охранявшего расчеты, надевает его плащ-палатку и каску, затем убирает караульного у пушек. После этого он быстро бежит к Хасиеву и Пудову к землянке «Б». Капитан с другими разведчиками в землянке «А» добывает «языка» - командира батареи. Саперы тем временем закладывают тол в стволы пушек, в подвал с ящиками снарядов и, соединив бикфордовы шнуры, ждут сигнала.

Все готовы. Каждый разведчик знает свои действия. Стрелять только в крайнем случае, и то только внутри дома. Все строго предупреждены: действовать бесшумно.

Немецкий караульный, застувивший после сна, чуть походив, сложил плащ палатку и присел на пень. Посмотрел по сторонам, прислушался. Вокруг тихо. И, сидя, начал клевать носом.

Кудряшов у Пудова взял снайперскую винтовку, а ему отдал свой автомат. Проверил магазин с патронами, пружины затвора. Хотя Пудов и аккуратный солдат, но старшина не изменил своим привычкам.

Караульный, встав, начал прохаживаться, но, не сумев перебороть сон, вновь присел на пень. Автомат прислонил к себе. У немца нет причин для страха. Передовая линия далеко, под Погостье.

- Ну, старшина, начинаем, - прошептал капитан, когда голова караульного опустилась на грудь. - Давай, действуй.

У Микулая сердце сильно забилося, на лбу выступил пот. Быстро справившись с волнением, очень осторожно пополз к землянкам.

Смелость солдата познается в разведке. В такой момент никто не может не волноваться. Легко ли это - ползти навстречу смерти? Успеет сонный караульный схватить автомат и выстрелить - ничто и никто уже не спасет.

"Кудряшов не боится смерти, не бережет себя, - говорят некоторые. Не правда это. Кому не хочется жить? Кому хочется умирать? Кудряшову тоже жизнь дорога. Но он знает, за кого и за что сражается, очень хорошо знает. Тот, кто знает это, не пожалеет жизни для победы, готов даже закрыть

грудью сеющую смерть амбразуру.

Микулай медленно, бесшумно дополз до землянки. Вход в нее прикрывал шалаш. Кудряшов дополз до шалаша, встал и, как будто только вышел из землянки, смело зашагал к караульному. Вдруг под ногами хрустнула сухая ветка, и немец поднял голову. В это время Кудряшов спустил курок винтовки и часовой упал.

Стремительно накинул плащ-палатку, надел каску и, как ни в чем не бывало, медлеенно пошел к часовому у пушки.

Часовой, видимо, подумав, что тот идет перекурить, с улыбкой шагнул в его сторону. Но тут же схватился руками за грудь, посмотрел широко раскрытыми глазами и опустился на колени, затем упал.

Микулай тотчас поспешил на помощь Хасиеву и Пудову к землянке «Б». Саперы приступили к своей работе.

В землянке на нарах в два яруса уже «спал» немецкий расчет. Перед Хасиевым стоял фельдфебель с завязанными руками и с кляпом во рту.

- Лампа хорошая, не оставляй, Пудов, - сказал старшина, когда они остались вдвоем в землянке.

В землянке «А» тоже все прошло гладко. Гауптману также связали руки, рот заткнули кляпом.

Скоро прозвучал сигнал, и саперы тотчас подожгли бикфордовы шнуры. Сделав свое дело, бросились вслед за разведчиками. И вся группа скрылась в лесу.

- Быстрее, быстрее! - торопил разведчиков Фадеев, хотя они и так бежали, не чуя ног.

Где шагом, где бегом двигалась вперед группа. И саперы потрудились на славу: скоро лес задрожал от взрывов.

Светает. Утро тихое, ни ветерка. Дозорные Кудряшов с Пудовым нырнули в туман. Скоро болото. В густом тумане уже в десяти метрах никого не видно. Кудряшов с Пудовым вышли к озеру, остановились. Здесь,

на тропинке, сходятся и расходятся немецкие дозорные.

- Озеро переплываем, - сказал капитан, догнав их.

Озеро неглубокое, по горло. Ширина каких-то двадцать метров. Похоже, оно образовалось после добычи торфа, на карте оно не обозначено.

Переплыв озеро, они некоторое время шли по чавкающему болоту. Остановились, когда дошли до крупных торфяных кирпичей, где было сухо. Перекусили. В этот момент за озером неожиданно послышался лай собак.

- Преследуют. Хорошо, что успели.

За озером послышались крики, лай стал громче и злее, началась беспорядочная стрельба. Затем все стихло.

Группа теперь шла не спеша.

- Давайте левее, в ту сторону, откуда пришли. Там нет мин, да и наши нас заждались, - сказал капитан и повернул налево.

Теплый, тихий вечер. Везде сырой, густой туман. У разведчиков настроение приподнятое: задание выполнено.

- Стой! Пароль!

- Курок.

- Курск. Проходите, родные, ждем вас, - произнес радостно один из встречающих их солдат.

Попав в штрафной батальон, Аваськин Санька совсем потерял покой. Теперь он постоянно находился на передней линии, к тому же расстояние между линиями обороны местами было лишь метров тридцать. Приходилось тяжело: ночами укрепляли позицию, для чего рубили деревья и обустраивали блиндажи в три и четыре наката, дзоты, копали окопы. Голову не высунуть, вмиг найдет снайперская пуля. На каждом шагу смерть.

Однажды утром настала очередь Саньке нести на передовую еду. Не

хотелось ему туда, сказался больным. Конечно, командир отделения не поверил ему.

- Пойдешь. Твоя очередь, - сказал он, как отрезал.

Санькины глаза наполнились слезами, сам он побледнел, но идти пришлось. Пока он нес термос с едой, стало светать. Санька шел медленно. Солдат, который вместе с ним тоже нес еду, давно уже дошел до траншеи и ждал его.

Вдруг раздался выстрел. Санька плюхнулся на землю. Тотчас снял термос, вскочил на ноги и, вихляя, побежал. Добежал и прыгнул в траншею.

- Ранили, - пожаловался он.

Снайперская пуля попала в ту же руку, которую раньше прострелил он сам. «Кость не задета, но все равно снайпер спас меня от штрафной роты», - обрадовался Санька. После ранения он три недели с удовольствием провел в медсанбате. «Еще бы две недельки полежать тут», - размечтался он.

После выписки из медсанбата Аваськина опять отправили на переднюю линию. Спустя некоторое время его назначили командиром отделения.

Шум боя остался позади. Санька забрел в болотистое место, местами проваливаясь в жижу до пояса. Петя Цибуля, бежавший за ним, еле поспевал. Санька знал хорошо, зачем и куда он идет. Сейчас исполнение его мечты как никогда близко.

Обессиленный от бега Цибуля закричал.

- Куда мы идем, товарищ младший сержант? Там враги!..

- Это ничего, попадем в плен - голова будет цела.

- Что?!

- Молчи, чего расшумелся? Я сам не знаю, в какую сторону идти. Сбил с пути...

Солнце клонилось к вечеру. Шум боя сейчас далеко-далеко.

- Куда мы идем? - опять спросил боязливо Цибуля.

- Ты, оказывается, трусливый, Цибуля. Не ной, я тебе сказал, - рассердился Аваськин.

И в это время прозвучало долгожданное Аваськиным слово:

- Хальт!

Санька, бросив карабин, поднял высоко руки.

Именно этого боялся Цибуля. Хоть он был и молод, но пуще смерти боялся плена. Теперь, вот, без единого выстрела - плен. Несмываемый позор на всю жизнь. Он рванул затвор, загнал патрон в патронник, но вражеский автомат был быстрее. Цибуля упал на дорогу, как подкошенный. Аваськин обернулся. «Это хорошо. Теперь больше нет никого, кто бы меня знал», - радовался он в душе.

Немецкие солдаты Аваськина доставили в поселок Погостье. Здесь в ряд стояли пять красноармейцев, попавших в плен. Все они были ранены, еле стояли на ногах. Переводчик, коверкая русские слова, спросил, есть ли среди них офицеры и политруки. Санька пристально взгляделся в лица пленных солдат. Его острый взгляд остановился на двух красноармейцах, которые с двух сторон поддерживали тяжелораненого товарища. Аваськин сразу узнал его: политрук Сомов. Санька, как бешеный зверь, подбежал к нему и сорвал с его головы окровавленный бинт. По лицу потекла струйка крови.

- А-а, это ты, комиссар! — с искаженным от злости лицом закричал Аваськин. — Там ты был мастер говорить, что же ты здесь язык проглотил? — При этом приставил свой палец к груди Сомова. — Вот, он политрук! — сквозь зубы процедил он, обернувшись к немцам.

- Предатель! Подлая собака! — плюнул в лицо Аваськина Сомов.

Аваськин отскочил назад.

- Комиссар, комиссар он! — закричал он.

Прозвучала автоматная очередь, и Сомов упал.

Остальных пленных красноармейцев загнали в кирпичное здание, похожее на склад, с решетками на окнах,

Аваськина назначили старшим среди пленных.

- Если кто-нибудь из них сбежит – кхх! кхх! – пригрозил офицер.

Аваськин попытался что-то сказать, но его толкнули в спину автоматом, и он вместе со всеми оказался внутри склада. Железная дверь с грохотом захлопнулась.

Темно. Сыро и холодно. Слышались стоны тяжелораненых.

Аваськин задремал, и сразу, как наяву, перед ним встал комиссар Сомов. Вот он пригрозил ему раненой рукой и, сказав: «Подлая собака!», опять плюнул в лицо. Санька от страха проснулся, вытер потный лоб рукавом.

Чуть посидев, опять лег и уснул тревожным сном. Тихо. Только изредка слышался чей-либо стон. Вот чьи-то сильные руки схватили Саньку за горло. Санька задергался всем телом, пытался помочь себе руками, но напрасно. Он не смог ни вдохнуть, ни выдохнуть. И - темнота.

Затем три красноармейца подошли к телу Саньки, сняли с его ног обмотки и обвязали их вокруг его шеи. Уже хотели его подвесить к крюку на стене, но не успели: вдруг за дверью послышались шаги. Три тени быстро разошлись по местам. Открылась дверь, и вошли три автоматчика. «Встать» - раздалась команда. Раненые красноармейцы со стоном встали. «Этот почему не встает?» - сказал один из немцев и пнул раза три по телу Аваськина. «Мертв» - сказал другой. Затем два немца, схватив за ноги, вытащили тело и бросили его за складом. Пересчитав оставшихся, ушли.

- Похоже, смена постовых, - сказал кто-то в темноте.

- Собаке - собачья смерть,- послышался чей-то низкий голос.

- Подлец, - добавил третий.

Кудряшов вошел в землянку, и разведчики, с улыбкой, его поприветствовали. Вслед за ним пришел Фадеев, обнял Кудряшова.

- Ну, пляши, старшина, тебе письмо! – с удовольствием сказал он, доставая из кармана «треугольник».

Разведчики в такт захлопали в ладоши, застучали по котелку, затопали ногами.

Микулай пустился в пляс с присядкой. И куда делась усталость! Ведь он не спал и не ел двое суток, только что из боя. Микулай подсел к еле мерцавшей лампе, вскрыл конверт и начал читать. С нетерпением он ждал этого письма. Разведчики, не желая ему мешать, замолкли, а капитан затянул папиросу.

«Дорогой, любимый, незабвенный Коля! Вся деревня желает тебе здоровья и шлет привет. Не срамишь ты свою деревню, сражаешься храбро.

То и дело приходят похоронные на односельчан. Пришли письма о гибели Тарас Пети, Якамаш Сани, Паки Тюпана, Ильмусь Якура и еще четырех-пяти односельчан. В каждом доме горе. Но мы не опускаем головы, а смотрим вперед. Желая скорейшей победы, для фронта трудимся дни и ночи. Помнишь, я тебе писала про Тусьта Элюка? Он совсем опоясался. Пока другие проливают на фронте кровь, он здесь устроил шумную свадьбу. Женился Керкури Рине. Свадьба пела и гремела. Я тоже пошла посмотреть. Касьтук Микулки, работник потребсоюза, был тамадой. Вскакивал на скамейку и пел частушки, все время громко кричал: «Салам-алейкум, тав сире». Вот так: у одних горе, у других веселье. Больше деревенских новостей особо нет, вроде написала все.

Любимый Микулай, сильнее бейте этих ненавистных врагов. Возвращайся с победой. Валя. 13.V.1942 год».

- К столу, товарищ старшина, - сказал Пудов, когда тот прочитал письмо.

- Товарищ капитан, поужинайте с нами, - пригласил командира роты Микулай, убирая письмо в нагрудной карман.

Все дружно уселись за самодельный стол и принялись за солдатскую еду: горячий суп, каша, чай. Затем сытые солдаты улеглись спать. Микулай, чуть вздремнув, встал. Зажег лампу «мышинный глаз» и сел за ответное письмо.

«Любимая моя Валя! Получил твое долгожданное письмо. От всей души благо дарю тебя за него. Даже усталость куда делась. Глядя на твою фотокарточку, всегда в мыслях разговариваю с тобой. Эх, душа моя, говорить бы и говорить с тобой, глядя в твои глаза. Раньше, когда были рядом, я стеснялся, а сейчас, тоскуя по тебе, обнимал и целовал бы тебя, душа моя.

Наступили теплые дни, все кругом зеленеет. Здесь, под Ленинградом как ни тяжела солдатская жизнь, мы верим в нашу победу. Скоро город Ленина освободим от блокады. Любимый город скоро задышит полной грудью.

Ты пишешь, что Тусьта Элюк женился. Пусть веселится. Однако я такому человеку ничуть не завидую. Когда вижу таких непорядочных людей, становится противно, даже разговаривать о них не хочется.

Валя, дорогая, скоро мы переходим в наступление. Тяжелый путь нам предстоит. Не остановимся, пока не уничтожим их осиное гнездо. Мы сражаемся за правду, за родную Отчизну.

Сегодня в нашей роте, Валя, большая радость. Сегодня наградили орденом Ленина капитана Фадеева, меня - Красного Знамени, моего друга, Пудова Георгия, орденом Красной Звезды и еще пять разведчиков из нашей же роты – медалями. Ну, родная, любимая, будь здорова, и себе того же желаю.

До свидания, дорогая. Друзья тоже передают тебе очень большой привет. Микулай».

Зима под Ленинградом запаздывала. Каждый день шел дождь со снегом. Сырые, ветреные дни порядком уже надоели солдатам в окопах.

Завьюжило только в конце 1942 года, замата окопы.

Начало 1943 года. Советские войска готовились к прорыву блокады Ленинграда.

Из разведчасти дивизии поступил приказ: достать «языка» с оборонной линии под Синявино. Задание не из легких: здесь враг сидел крепко, окопавшись еще с сентября 1941 года. Разведчикам предстояло перейти линию фронта и вернуться с «языком» как можно быстрее.

Сборы были недолгими.

Сильный ветер с Ладоги бил по лицу и глазам мелкими крупинками снега. Для разведчика такая погода – то, что надо. Пусть еще сильнее бесится ветер. Тогда и враг не заметит их следов.

Вот торфяник. Беспокойно шумит высокий сухой камыш. Разведчики в белых масках осторожно ползли за саперами по минному полю. Саперы также обезвредили шариковые мины на проволочных заграждениях. Путь был открыт.

Группа то ползком, то бегом перешла передовую линию и скрылась в лесу. К рассвету вышли к реке Светлиха. Стали слышны залпы пушек, трескотня пулеметов.

Недалеко от села Соснихи, на поляне, наткнулись на пасеку с пустыми ульями. Чуть в стороне стоял перекосившийся домик. Старшина объявил привал. Надо беречь силы. С наступлением темноты – снова в путь.

Под Синявино у немцев оборона в несколько эшелонов. Доты, дзоты, траншеи, окопы, землянки... В двух-трех местах танки были зарыты в землю и использовались как доты. Девятый поселок Синявино полностью сгорел, торчали только трубы. Пронизывающий ветер немецких караульных загнал в укромное место. Укутанные во что попало, они ненадолго появлялись и вновь исчезали.

«Охотники» перешли шоссе Синявино-Мга, к рассвету дошли до села Ракировка и здесь переждали день. Вечером вернулись на шоссе за «языком». По нему с обеих сторон то и дело проезжали легковые

автомашины и мотоциклы. Кудряшов начал размышлять, как бесшумно достать «языка». Но как это сделать? И тут будто молнией ударило в голову. Глаза его заблестели, когда он увидел оборванный телефонный провод на валявшемся столбе.

- Слушай, Хасиев, один конец провода привяжем к дереву на той стороне, а другой конец с этой стороны натянем, когда подъедет мотоцикл. Вот и будет нам «язык».

Немцы не заставили себя долго ждать. Из-за поворота показался мотоцикл с коляской. Он все ближе и ближе. На фашисте в коляске новый полушубок с белым воротником, накинута пестрая плащ-палатка. Вот сигнал Хасиева. Как только мотоцикл приблизился, он и Пудов резко натянули провод. Солдату за рулем провод пришелся как раз на горло, и он слетел с сидения. А мотоцикл на полном ходу вылетел на обочину. В мгновение ока Кудряшов оказался у лежащего на земле немца и связал ему руки. Тотчас прибежал и Хасиев и вставил в рот немца кляп.

В лесу не так много снега, шагается легко. К счастью разведчиков, снег сейчас шел, не переставая и замечая их следы.

«Язык» оказался очень ценный: гауптман Отто Глейслер, инженер оборонных сооружений дивизии. В портфеле – нужные документы, карты.

...Наконец настал этот долгожданный момент. Наступление!

Кто знает, может и Микулаю, и его товарищам суждено погибнуть. Но все равно они ждали этого момента с нетерпением. Личный состав роты почистил и смазал автоматы и винтовки, получил достаточно боеприпасы. Каждый солдат постирал гимнастерку и брюки, погладил, натер до блеска пуговицы, нашил под воротник гимнастерки белую полоску. Будто готовились к параду.

Укрепленные резервом войска Волховского и Ленинградского фронтов ударили укрепленные позиции врага с двух сторон. Кругом огонь, дым, пыль. Вся округа грохочет, кипит. Краснозвездные самолеты, с ревом заходя

в пике, сбрасывали бомбы. Позиции врага сплошным огнем накрыли и «Катюши».

Кудряшов с Пудовым, лежа рядом, ждали сигнала к атаке. Вся рота ждала сигнала ракеты. Вот и красная ракета в небе. Танки Т-34 сквозь дым рванули вперед, за ними поднялась пехота.

Старшина Кудряшов и Пудов, невзирая на шквал огня, прыгнули во вражескую траншею. Поливая огнем из автомата и забрасывая гранатами, шли вперед, «выкуривая» немцев из дотов и дзотов.

Кудряшов сейчас – командир взвода. Днем – в атаке, ночью – в разведке. Хоть и устал в боях, Кудряшову ночью опять в разведку.

В этот раз перейти линию обороны было легче. Прошли чуть вглубь и сразу заметили в дотах пушки с прямой наводкой и танки. И тут у Микулая мелькнула дерзкая мысль.

- Нургали, дружище, ты ведь под Шяуляем был башенным стрелком. Значит, сможешь стрелять и из немецких пушек и пулемета. Давай, пойдем в лес около девятого поселка Синявино и захватим дот с танком. Ты с Шевелевым останешься в танке до утра, а мы вернемся в дивизию. Завтра, когда часть начнет наступление, ты оттуда начнешь отрезвлять немцев. С того места высота Синявино как на ладонях.

...Пограничник – как шапка невидимка. Не знаешь, откуда он придет, не услышишь, как он приползет.

Одетые в маскхалаты, разведчики поползли до дота-танка. Внутри – тишина. Но разведчики прислушались и понаблюдали еще. Прошло чуть времени, как в десяти-пятнадцати метрах показался темный силуэт. Вот он уже совсем близко. Пугало да и только: на фрице ватное одеяло, на голове теплый платок. Как только он подошел к танку, шустрый Хасиев Нургали закрыл ему рот рукой и воткнул в грудь кинжал. Немец захрипел и свалился на снег. Хасиев через люк пролез вовнутрь танка, проверил пушку и пулемет.

- Все в порядке. Значит, мы остаемся здесь, - сказал он, выйдя оттуда.

Кудряшов и Хасиев, обнявшись, попрощались. Ведь среди врагов остается Хасиев.

Старшина с Пудовым и еще два разведчика теми же тропинками-дорогами вернулись в часть. С капитаном на карте отметили все огневые точки немцев.

На следующее утро, не успело взойти солнце, начался артобстрел. Все вокруг бушевало. И Хасиев здорово помог наступающей части. Укрепленная высота Синявино была взята. Сейчас очередь крупной узловой железнодорожной станции Мга.

Радостная встреча. Будто давно не виделись родные и близкие люди: объятия, поцелуи. Хасиев с Шевелевым опять со своими!

Фашисты, пытаясь вернуть свои сданные позиции, предприняли контрнаступление. Но родную землю советский солдат больше не даст топтать. Немцам отныне только назад - на запад.

Враг, отступая, начал оставлять на деревьях «кукушек».

Старшина с Пудовым около Синявино, пройдя по берегу Светлихи, углубились в лес. Снег неглубокий. Погода чуть потеплела, без ветра, с неба падают крупные снежные хлопья.

Совсем как в наряде на границе, шли медленно, но теперь в сторону Мга. Вдруг слева, где шоссе, послышался звук автоматной очереди. Старшина и Пудов повернули налево: надо уничтожить «кукушку». От дерева к дереву, то и дело прислушиваясь, поползли вперед. Но вот Кудряшов совсем близко, под густой елью, увидел фашиста в белом халате; в руке у него автомат. С дерева опять короткая автоматная очередь. Там тоже «кукушка» в белом халате.

- Сначала уничтожим нижнего, - сказал старшина. И тут же метким выстрелом уложил его. Настал черёд другого. Его автомат упал вниз, но сам еще оставался на дереве. Микулай, тщательно прицелившись, выстрелил еще раз, но немец не шевелился. Тогда Микулай, не прячась, пошел к дереву. У немца на дереве руки и голова повисли, густая кровь капала на снег.

Оказалось, он привязал себя к дереву, чтобы не упасть.

Со стороны города Мга слышна канонада. Два фронта приближаются друг к другу.

Семь суток вели жестокое сражение войска Волховского и Ленинградского фронтов. И вот 18 января 1943 года под городом-героем Ленинградом окопавшиеся здесь фашисты разгромлены. Блокада прорвана. Солдаты двух фронтов обнимали друг друга. Кругом гремело «Ур-р-а!».

Несмотря на неудачу, фельдмаршал Кюхлер не оставлял надежду захватить город Ленинград. Город постоянно подвергался артобстрелам, бомбежкам. Ленинградский фронт лишь спустя немало времени получил приказ о новом наступлении.

В это же время Волховский фронт, собрав всю мощь, двинулся на врага. Город Новгород окружил от севера до юга. Быстро продвинувшись к городу Луга, разгромили вражеские войсковые коммуникации. Немецкая группа войск «Север» быстро отступала на запад. За поражение в этом направлении Гитлер Кюхлера отправил в отставку. Но и это не помогло немцам: они отступали и отступали.

Старшина Кудряшов 900 дней защищал блокадный Ленинград, был в рядах лучших снайперов фронта. Ему вручили удостоверение с красной обложкой под номером 44 «Личный боевой счет снайпера-истребителя». Там написано: «С 1 мая 1942 года по январь 1943 года истреблено сто шестьдесят восемь фашистов».

Враг отступал на запад, в свое логово. Взвод Микулая вместе с наступающей Советской Армией сквозь огонь и пламя в передовой роте тоже шел на запад.

Разведгруппа перешла реку Луга в трех километрах южнее города Луга. Ночь темна до черноты, дождь со снегом. Вдобавок, задул холодный северный ветер. Мокрая одежда заледенела и мешала шагу. Но в нужное

место нужно добраться в назначенное время. Надо привести в исполнение приказ: взорвать железный мост через реку Плюсса. Это железная дорога Луга-Псков. Цель: вражеские поезда не должны уйти из Луги в Псков.

На рассвете наткнулись на полуразрушенную землянку на поляне. Капитан Фадеев принял решение здесь переждать до вечера. Да и разведчикам пора отдохнуть, обсушиться. Но осторожность не лишнее. Проверили, обойдя вокруг три-четыре километра, и лишь тогда убрались в землянку и разожгли печку. Печка быстро накалилась, вскоре в землянке потеплело.

Микулай, хоть и знал Валино письмо наизусть, не вытерпел, вытащил и прочитал еще раз. Без этого его сердце не успокаивалось.

Когда стемнело, разведчики оставили приютившую их землянку и зашагали дальше. На западе и севере виднелось зарево от пожаров. Немцы, отступая, поджигали оставшиеся дома. Слышалась и канонада. Фронт остался в десяти-пятнадцати километрах.

К полночи разведчики вышли к реке Плюсса.

- Плюсса течет на север и соединяется с Нарвой. Мост должен быть в двух километрах на севере, нам туда - сказал Фадеев.

Прошли вдоль реки около пол часа и слышали впереди лай собак.

Дозорные Кудряшов и Пудов пошли вперед.

- Похоже, с собаками охраняют мост, - сказал старшина Пудову. — Хорошо, что ветер дует со стороны моста. Это нам на руку: не услышат и собаки не почуют. Подойдем поближе, а там будет видно.

Показалось очертание моста. Разведчики прижались к земле. Как ни прислушивались, никаких звуков со стороны моста. Только ветер свистел в ивняке, и в лицо остервенело бил колючий снег.

Подползли Фадеев с Хасиевым. Обсудили дальнейшие действия: Кудряшов с пятью разведчиками к мосту подходит с левой стороны Плюссы, а Хасиев со своим отделением — с правой. Капитан Фадеев с остальными

разведчиками будет наготове прийти на помощь.

Впереди оказалась преграда – проволочное заграждение в три ряда. В двадцати-тридцати метрах – железная дорога.

Преодолев преграду, разведчики опять прижались к земле и стали наблюдать. На мосту передвигались две тени, которые иногда громко переговаривались. И вот они исчезли в землянке. Старшина Пудову дал знак и быстро прошел вперед. Подойдя близко к мосту, они четко увидели амбразуру. Над дзотом, вспыхнув, взлетели искры и сразу потухли.

- Товарищ старшина, можно, я взорву этот дзот? – шепотом спросил Пудов.

- Давай, Георгий, покажи фрицам маскарад.

В это время с левой стороны Плюссы громко залаяла собака, взлетела ракета. Амбразура, закрытая от холода, открылась, внутри слышались громкие голоса. Но Пудов их опередил, успел добежать и бросить в амбразуру две гранаты Ф-1. Когда гранаты внутри взорвались, Кудряшов дал знак своим товарищам и рванул вперед.

На правой стороне Плюссы началась стрельба. Старшина, оставив здесь Пудова и двух разведчиков, еще с одним солдатом поспешил на помощь Хасиеву. Огонь пулемета прижал отделение к земле, не давал поднять даже голову. Темноту пронизывали трассирующие пули.

Услышав голос Кудряшова, капитан бросился за ним, но вражеская пуля остановила его. Фадеев упал, как подкошенный.

- Капитана убило, - мелькнуло в голове Микулая и, невзирая на опасность, побежал к дзоту. В дымящую трубу бросил гранату. В землянке послышался взрыв. Тут уже подоспел Хасиев со своим отделением, и схватка перешла в траншеи. Все закончилось быстро.

Саперы знают свое дело, у них каждое движение выверено: быстро заминировали мост, опутали бикфордовыми шнурами.

Хасиев с одним из разведчиков положили раненого Фадеева на

волокушу, на которой саперы тащили тол, перевязали рану. Пуля попала в грудь.

Разведчики быстро уходили от моста. И вот над мостом высоко поднялся огненный шар, взрывы оглушительной силы заполнили все вокруг.

К рассвету разведчики прибыли в часть. Доложив дежурному майору о выполнении задания, Кудряшов с Хасиевым повезли капитана в медсанбат. В тот момент, когда санитары уже поднимали носилки с Фадеевым, навстречу быстро шла Лиза. Увидев смертельно бледного капитана, встала как вкопанная, затем вдруг закричала:

- Лева?! - встав на колени, нежно несколько раз погладила она его по голове. – Лева, Лева...- произнесла она ласково.

По приказу главного врача медсанбата капитана сразу отнесли в операционную комнату.

- Капитан потерял много крови. Нужен донор. Кровь, которая была, вчера отдали тяжелораненым, - сказал майор медицинской службы, подходя к солдатам.

- Возьмите мою, товарищ майор, - вышел вперед Микулай.

- Какая у Вас группа?

- Первая.

- Тогда пошли.

Четыреста граммов крови отдал старшина Кудряшов для любимого командира. Для него он готов был отдать последнюю каплю.

Через две недели капитан пошел на выздоровление.

- Живем, родная, живем, - сказал с улыбкой Фадеев, когда Лиза под села к нему. Одно полено даже в печке не горит, а два полена даже в поле горят, говорят в народе. То, что рядом был любимый человек, ему придало сил, помогло выздороветь.

- Хорошо, что пуля задела только край легкого. Здоровье у Вас

крепкое, товарищ капитан. И кровь старшины спасла. Теперь вы с ним как родные, родные по крови, - сказал главный врач.

- Мы с ним с первых дней войны породнились. Настоящий друг, - ответил Фадеев.

Когда фронтовой госпиталь перебазировался в Лугу, Фадеева перевезли туда. До этого его посетил начальник штаба дивизии подполковник Кашкадамов и сообщил о присвоении Фадееву звания майора. Вручив две пары майорских звезд, пожелал скорого выздоровления и возвращения в часть. А Кудряшова Микулая он поздравил с присвоением звания лейтенанта.

День проходил за днем, советские войска дошли до границы. Тех, кто до войны служил на границе, отозвали из фронтовых частей, и начали формировать погранотряды, комендатуры, заставы.

Командование дивизии, тепло поблагодарив, проводило пограничников из разведроты на защиту границ Отчизны.

Прошедший через трескучие морозы, жару и пекло боев, лейтенант Кудряшов сейчас начальник учебной заставы 105-го погранотряда. Проверенные в боях друзья Хасиев Нургали – старшина заставы, Пудов Георгий – командир отделения. Кудряшов обучает новичков-пограничников сложному и почетному делу - охране границы. Молодые пограничники слушают его внимательно. Иногда лейтенант рассказывает им разные случаи, происходившие с ним во время своей службе на границе до войны.

- Я тогда был еще молодой. Зеленый, так сказать. Но парень я был не промах. Вот пришло время, и я впервые в дозор вышел старшим наряда. Это ответственный момент: Родина доверяет тебе охрану своих границ.

Вот я на границе. До самостоятельной службы я десять дней в наряды ходил с начальником заставы Гамаюном. Прошел по каждой тропинке, учился. Основательно изучил карту участка заставы. И вот я иду старшим

наряда. Прошли уже изрядно, когда увидели следы. Чьи это следы? В нашу сторону прошло какое-то животное. «Дикая свинья», - сказал я. Действительно, в это время на нашем участке их было много. Смотрю еще внимательнее. Ну, да, след кабана. Рядом с лесом приграничные вспаханные полосы, и там должны быть следы этих самых кабанов. Побежал туда и внимательно рассмотрел их. Опять возвращаюсь и рассматриваю эти следы. Начинаю сомневаться: вроде и не кабаньи. Соединился с заставой и поговорил с Гамаюном. Скоро лейтенант сам прибыл с группой пограничников. Собаки быстро вышли на след. И не кабан это был, а нарушитель границы. Через два-три километра поисковые собаки нашли протезы кабаньих копыт. А самого нарушителя поймали в одном сарае. Вот тебе и кабан! Немецким шпионом оказался.

При задержании нарушителя границы надо быть очень наблюдательным, и надо уметь произносить команду «Стой!». Ее нужно произносить негромко, чуть слышно, чтобы он не понял, откуда звук. Шпионов ведь учат стрелять на голос.

...Вечером в восемь часов старшина Хасиев с двумя молодыми пограничниками прибыл в канцелярию заставы.

- Товарищ лейтенант, наряд пограничников к защите государственной границы готов, - отрапортовал он.

Микулай подошел к карте участка заставы, которая висела на стене:

- Приказываю приступить к защите границы Союза Советских Социалистических Республик. Ваша задача: защита левого фланга 8-го квадрата заставы между третьим и четвертым ориентирами. Нарушителя границы Отчизны задержать, доставить в заставу. Старший наряда – старшина Хасиев.

На границе тихо. От ветра чуть покачиваются верхушки деревьев. Пограничники по узкой дорожке идут на границу.

- Вы сначала наступайте на пятку, а затем опускайте стопу, так шагов не будет слышно, - учит Хасиев молодых пограничников.

Вот зашуршали сухие листья. Это еж на охоте за мышью. Прошли еще и впереди услышали шум. Это кабан со своим семейством. Слева, в низине, не унимается перепелка. Пощелкивают аисты в гнездах своим длинным клювом. Потом опять тишина. И в этой тишине слышно, как перешептываются только что распутившиеся на деревьях листья.

Безоблачное небо усеяно мерцающими звездами. Над лесом поднялся молодой месяц.

Восьмого мая в кабинете начальника заставы зазвенел телефон.

- Начальник заставы лейтенант Кудряшов слушает. Кто? Фадеев?! – радостно закричал Микулай. - Товарищ майор, как здоровье? А как Лиза? Когда приехали? Только что? Очень хорошо, опять вместе. Вместе, говорю! Заместитель коменданта? Хорошо, хорошо. Лиза? Привет, горячий привет, Лиза! Спасибо, спасибо. Валя? Как дадут отпуск, сразу поеду за ней. До свидания, спокойной ночи!

Микулай положил трубку. Ему очень хотелось сейчас же рассказать об этом Хасиеву с Пудовым, но они в наряде. Долго еще сидел Микулай за столом, облокотившись. Нахлынули воспоминания...

На следующий день Микулай в два часа ночи проводил на границу очередной наряд. А в два часа десять минут прозвучала радостная весть: по радио диктор Всесоюзного радиокомитета Юрий Левитан объявил о капитуляции фашистской Германии. Вот он, самый долгожданный день. Микулай вышел на улицу. Утренний воздух прохладен и свеж. В ближайшей деревне запели первые петухи. Перед заставой несет свою службу караул. В этот момент Микулаю хотелось кричать во весь голос: «Победа! Победа!», чтобы его слышали и спящие пограничники, и в ближайших селах.

Вот и светлая-светлая, красивая поляна. Здесь – один небольшой холмик. Это могила Гамаюна. У могилы стоит лейтенант Кудряшов. Рядом с ним Хасиев и Пудов. Они сняли фуражки. Чьи-то заботливые руки привели

в порядок могилу. Стоял новый столб, на холмике — недавно сорванные цветы.

- Вот и пришли мы к тебе, родной. Скоро ты не будешь лежать в этом лесу одиноко. Перенесем мы твой прах на заставу. И присвоим заставе твое имя. Пусть земля тебе будет пухом. — сказал Кудряшов и печально склонил голову.

Спустившись в овраг, Микулай остановился у знакомого родника. Как бы желая заглушить обжигающую его боль, он пил и пил эту ледяную воду, зачерпывая ладонями. Вода, стекая с его рук, на солнце переливалась всеми цветами радуги. В кустах в разные голоса пели птицы. А внизу, на дне оврага, по камешкам журчала прозрачная родниковая вода.